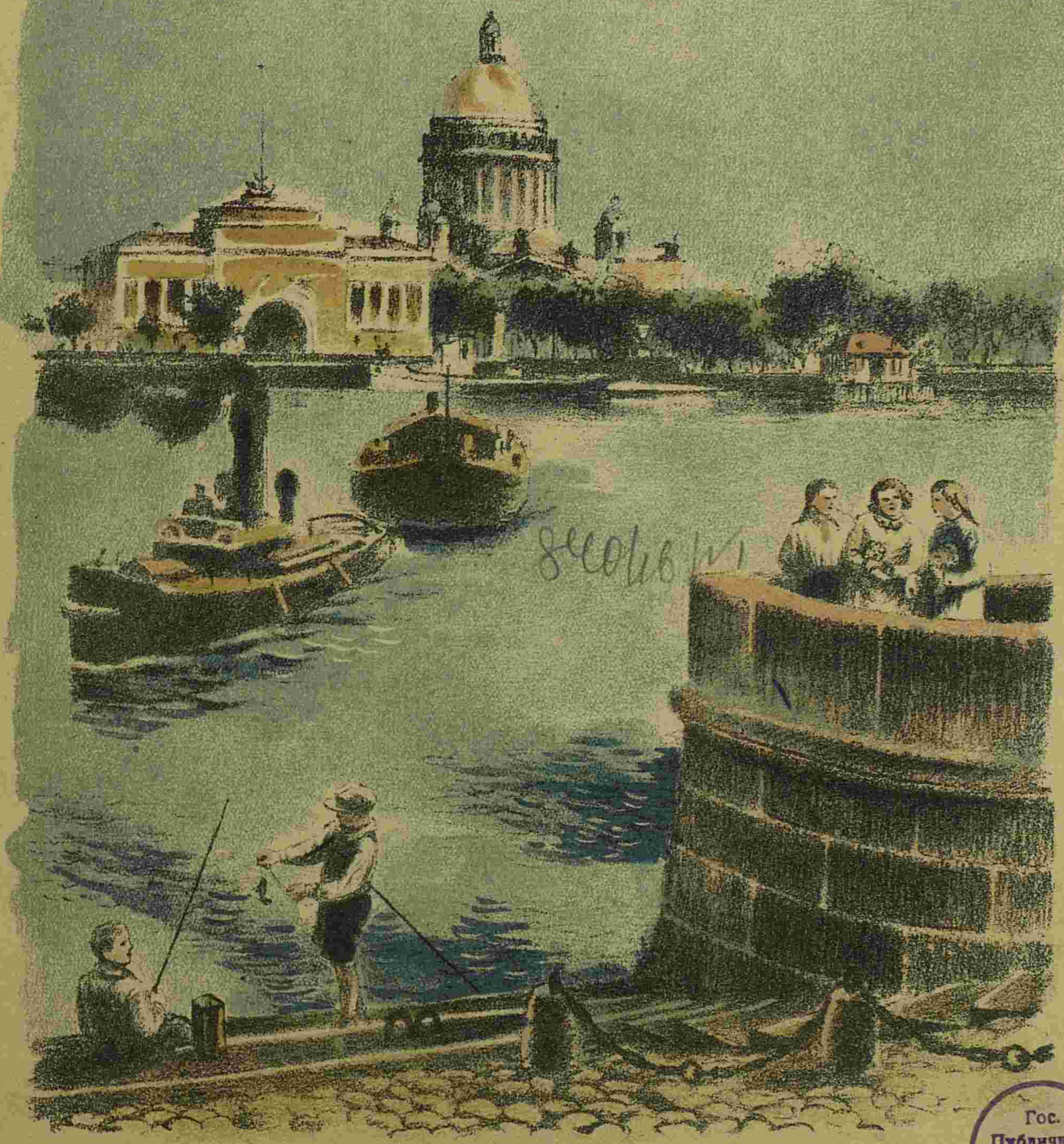
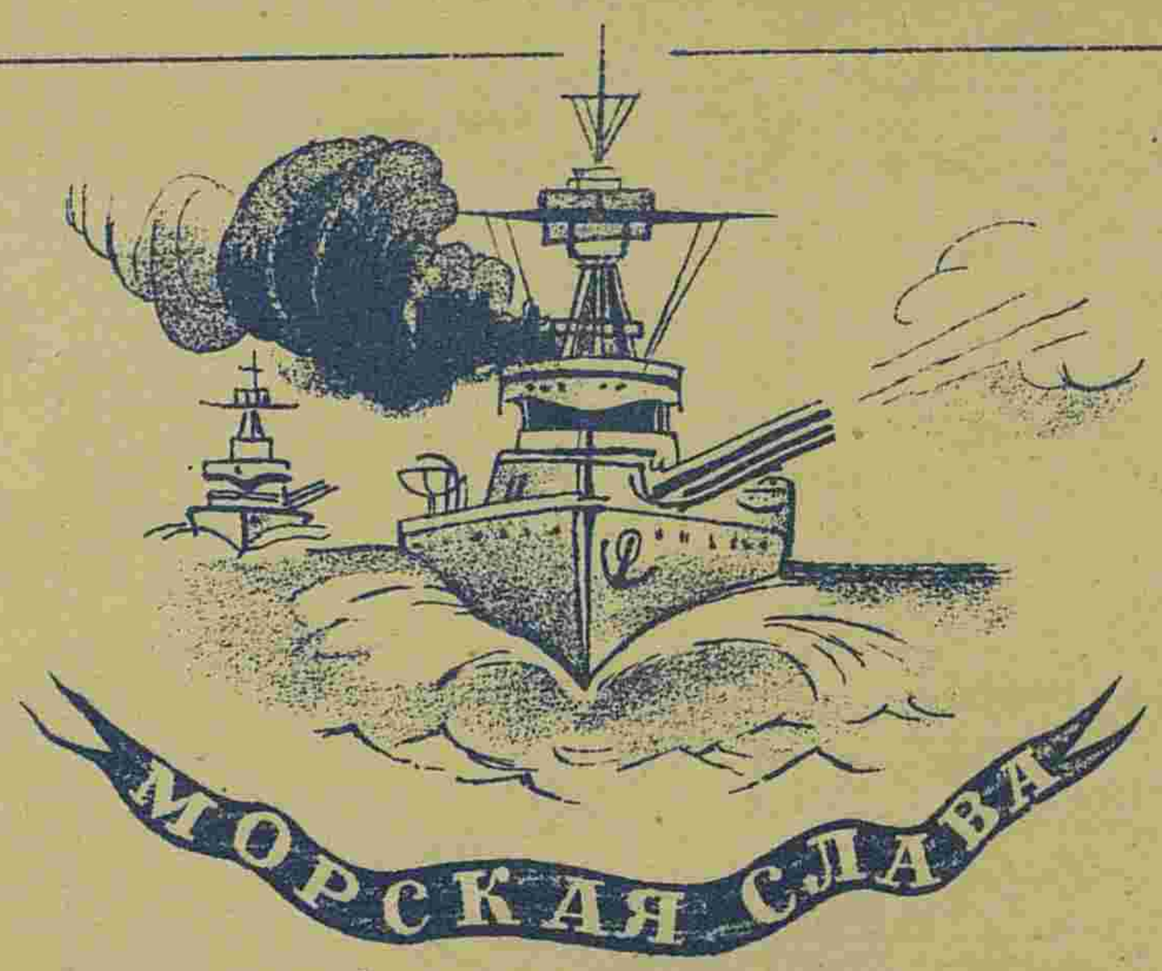
КОСТЁР

7-8



ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ 1945

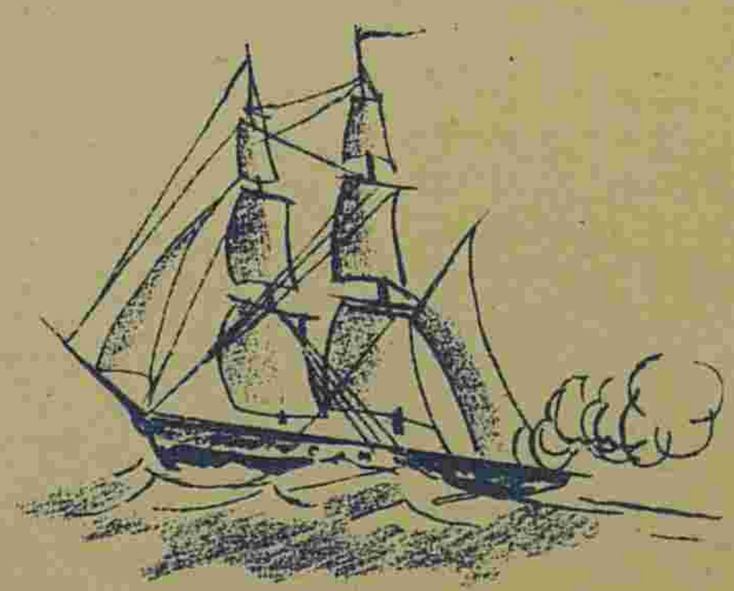
Гос. Публичная Библиотека



Николай Браун

От северной тундры до теплого края,
Под солнцем отчизны горя,
Кипучей волной в берега ударяя,
Бескрайние плещут моря.
Сияют им звезды лучами своими
И штормы над ними ревут,
И ветры гурьбою проходят над ними
И славу морскую поют.
И песни летят по земному раздолью,
И слушают их, не дыша.
В них — кровь, напоенная штормом и солью,
В них дышит морская душа.
В них трепет военного флага морского
Над первою верфью Петра,
В них слава Гангута и доблесть Азова
И новых походов пора.
В них, жаркой любовью к России палимый,
Эскадру ведет Ушаков.
И падает насмерть сраженный Нахимов
За счастье родных берегов.

Отчизна взрастила достойного сына,
И в громе походных атак
Сражен за свободу твою, Украина,
Балтийский матрос Железняк.
Россия! Отчизна! Цветы полевые!
Бескрайних дорог колеи,
Они за тебя умирали, Россия,
За чистые реки твои.
Они умирали за море и сушу,
За счастье твоих сыновей,
Они отдавали моряцкую душу
Во имя победы твоей.
Давайте сегодня припомним с любовью
О тех, кто ее добывал,
Кто собственной жизнью и собственной кровью
Ее у врага вырывал.
Мы встанем и вспомним. И грянем на полный
Мы песнь о победе своей,
Чтоб пели все ветры и штормы и волны
О славе морских сыновей.



29
41

КОСТЁР

7—8

ИЮЛЬ—АВГУСТ

ЖУРНАЛ ПИОНЕРОВ И ШКОЛЬНИКОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ" ★ 1945 ★ ГОД ИЗДАНИЯ ДЕСЯТЫЙ

ТРИЖДЫ ОРДЕНОНОСНЫЙ

Вас. Лебедев-Кумач

Ты рожден в грозе и в буре,
Ты прошел огонь и воду,
Волей сталинской воспитан,
Духом ленинским взращен.
Славной партии питомец,
Сын великого народа, —
Делу правды и свободы
Ты, как рыцарь, посвящен!

Нынче ты справляешь праздник, —
Нынче высшею наградой
За геройство и за доблесть
Ты отмечен в третий раз.
Вся великая Отчизна
За тебя горда и рада,
И, как сына, поздравляет
Весь народ тебя сейчас!

По пути борьбы и славы
С честью шел ты четверть века.
Пусть тебя твой новый орден
К новой славе поведет.
Ты надежда и защита,
Честь и совесть человека.
Выше Ленинское знамя!
К новым подвигам — вперед!

★

Орден Ленина — третья награда комсомола

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О награждении Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи орденом Ленина

За выдающиеся заслуги перед Родиной в годы Великой Отечественной войны Советского Союза против гитлеровской Германии и за большую работу по воспитанию советской молодёжи в духе беззаветной преданности Отечеству, — наградить Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодёжи орденом ЛЕНИНА.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
М. КАЛИНИН

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
А. ГОРКИН

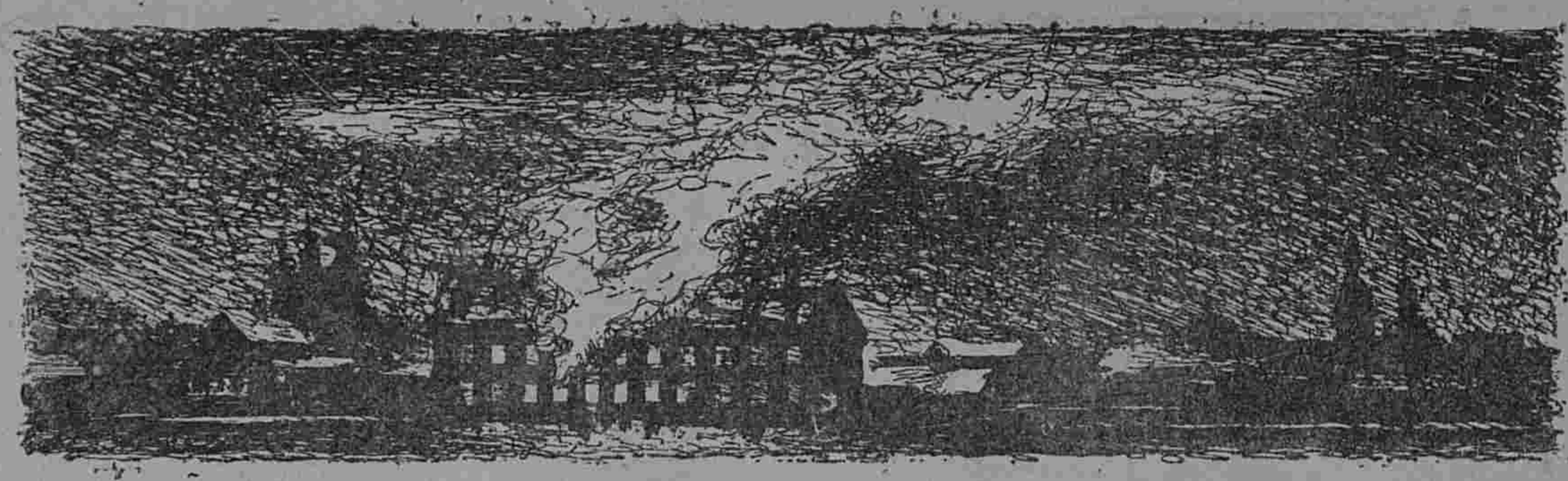
Москва, Кремль, 14 июня 1945 года.

Мало кто может сравняться в полевых работах с комсомолкой Марией Захаровой — лучшим бригадиром тихвинского колхоза „Просвещение“

Работать для фронта — значит вырабатывать большие нормы; таков обычай комсомольской бригады слесарей сборщиков.

Вот они комсомольцы — героические защитники Ленинграда. Каждый — мастер своего дела. от глаз зоркого наблюдателя-орденоносца гвардии сержанта И. Кобзенко (вверху) не укроется ни один враг; у связиста-орденоносца Н. Щеглова (внизу слева) связь всегда действует безотказно; орденоносец А. Анисимов (внизу справа) всегда и здесь, на водном рубеже, в первых рядах.

Стоять на посту у прославленного в боях оружия — большая честь, и она доверена кавалеру ордена Славы старшему сержанту Н. Трофимову (стр. 2).



ПОДВИГ

(Отрывок из повести „Молодая Гвардия“)

А. Фадеев *Рис. Я. Николаева*

Надя сидела в косынке и в белом халате, как она прибежала из больницы, и снова и снова начинала рассказывать, как немцы выволакивали раненых из больницы, как они убили главного врача. Она не плакала, лицо у нее было белое, а маленькие скулы горели пламенем, и блестящие глаза ее не видели тех, кому она рассказывала.

— Явился! — яростно кашлял отец на Сережу, — ей-богу, возьму да выдеру кнутом. Немцы в городе, а он болтается где ни попало. Мало мать в могилу не свел.

Мать заплакала.

— Я ж извелась за тобой. Думаю, убили.

— Убили! — вдруг зло сказал Сережа. — Меня не убили. А раненых убили. В Верхнедуванной роще. Я сам слышал...

Он прошел в горницу, где спал, и кинулся на кровать в подушку. Мстительное чувство сотрясало все его тело. Сережке трудно было дышать. То, что так томило и мучило его, теперь нашло выход. „Обождите, пусть только стемнеет!“ — думал Сережка, корёжась на постели. Никакая сила уже не могла удержать его от того, что он надумал.

Спать легли рано, не зажигая света, но все были так возбуждены, что никто не спал. Не было никакой возможности уйти незаметно, — он вышел открыто, будто идет на двор, и шмыгнул в огород. Руками он раскопал одну из ямок, где спрятаны были бутылки с горючей смесью, — ночью опасно было копать лопатой. Он слышал, как звякнула дверь, из хаты вышла сестра Надя и тихо позвала его несколько раз:

— Сережа!.. Сережа!..

Она подождала немного, позвала еще раз, и дверь звякнула, — сестра ушла.

Он сунул по бутылке в карманы штанов и одну за пазуху, и во тьме июльской душной ночи, обходя центр города, снова пробрался в парк.

В парке было тихо, пустынно. Но особенно тихо было в здании школы, куда он проник через выдавленное окно. В здании школы было так тихо, что каждый его шаг, казалось, слышен был не только тут, но и во всем городе. В высокий проём окон на лестнице вливался снаружи какой-то смутный свет. И когда фигура Сережки возникла на фоне одного из этих окон, ему показалось, что кто-то затаившийся в углу, во тьме, теперь увидит и схватит его. Но он пересилил страх и вскоре очутился на своем наблюдательном пункте на чердаке.

Некоторое время он посидел у оконца, сквозь которое теперь ничего не было видно, посидел просто для того, чтобы перевести дух.

Потом он нащупал пальцами гвоздики, которые держали раму окна, отогнул их и тихо вынул раму. Свежий воздух пахнул на него, на чердаке все еще было душно. После темноты школы и особенно этого чердака, он уже мог различать то, что происходило перед ним на улице. Он слышал движение машин по городу и видел сновавшие приглушенные огни их фар. Непрерывное движение частей от Верхнедуванной продолжалось и ночью. Там, на всем протяжении дороги, видны были светящиеся в ночи фары.

У главного подъезда здания треста шла военная ночная жизнь. Подъезжали немецкие машины, мотоциклетки. Все время входили и выходили офицеры и солдаты, бряцая оружием и шпорами, слышался чуждый, резкий говор. Но окна в здании треста были затемнены.

Все чувства Сережки были так напряжены и так направлены в одну цель, что это новое, непредвиденное обстоятельство — то, что окна

были затемнены, — не изменило его решения. Так он просидел возле этого оконца часа два, не меньше. Все уже стихло в городе. Движение возле здания тоже прекратилось, но внутри его еще не спали, — Сережка видел это по полоскам света, выбивавшегося из-за краев черной бумаги. Но вот в двух окнах второго этажа свет потух, и кто-то изнутри отворил одно окно, потом другое. Невидимый, он стоял в темноте комнаты у окна, — Сережка чувствовал это. Потух свет и в некоторых окнах первого этажа, и эти окна тоже распахнулись.

— Кто там? — раздался начальственный голос из окна второго этажа, и Сережка смутно различил силуэт фигуры, перегнувшейся через подоконник. — Кто там? — снова спросил этот голос.

— Лейтенант Мейер, господин полковник, — ответил юношеский голос снизу.

Сережка, не понимая, с бьющимся сердцем прислушивался к немецкой речи.

— Я не советовал бы вам открывать окна в нижнем этаже, — сказал голос наверху.

— Ужасная духота, господин полковник. Конечно, если вы запрещаете...

— Нет, я совсем не хочу, чтобы вы превратились в тушеную говядину, — смеясь, сказал этот начальственный голос наверху.

В окнах гасили свет, подымали шторы, и окна открывались одно за другим. Иногда из них доносились обрывки разговора, кто-то насвистывал. Иногда кто-нибудь чиркал спичкой, осветив на мгновение лицо, папиросу, пальцы, и потом огненная точка папиросы долго еще видна была в глубине комнаты.

— Какая огромная страна, ей конца нет, — сказал кто-то у окна, обращаясь, должно быть, к приятелю своему в глубине комнаты.

Немцы ложились спать. Все затихло в здании и в городе. Только со стороны Верхнедуванной, прорезая резким светом фар ночное небо, еще двигались машины.

Сережка слышал биение своего сердца, казалось, оно стучит на весь чердак. Здесь было все-таки очень душно, Сережка весь вспотел.

Здание треста с открытыми окнами, погруженное во тьму и сон, смутно вырисовывалось перед ним. Он видел зияющие тьмой отверстия окон вверху и внизу. Да, это нужно было делать сейчас... Он сделал несколько пробных движений рукой, чтобы вымерить возможный размах и, хоть приблизительно, прицелиться.

Бутылки, которые он сразу, как пришел сюда, вынул из карманов и из-за пазухи, стояли сбоку от него. Он нащупал одну из них, крепко сжал ее за горлышко, примерился и с силой пустил в нижнее растворенное окно. Ослепительная вспышка озарила все окно и даже часть улочки между зданием треста и зданием школы, и в то же мгновение раздался звон стекла и легкий взрыв, похожий на то, как будто разбилась электрическая лампочка. Из окна вырвалось пламя. В этот миг Сережка бросил в это окно вторую бутылку, она разорвалась в пламени с сильным звуком. Пламя уже бушевало внутри комнаты, горели рамы окна, и языки его высовывались вверх по стене, едва не до второго этажа. Кто-то отчаянно выл и визжал в этой комнате, крики раздались по всему зданию. Сережка схватил третью бутылку и пустил ее в окно второго этажа напротив.

Он слышал звук как она разбилась и видел вспышку, такую сильную, что вся внутренность чердака осветилась, но в это время Сережка был уже далеко от окна, он был уже у выхода на черную лестницу. Стремглав пронесся он этой черной лестницей и, не имея уже времени разыскать в темноте класс, где было выдавлено окно, он вбежал в ближайшую комнату, — кажется, это была учительская — быстро распахнул окно, выпрыгнул в парк и, пригибаясь, побежал в глубину его.

С того момента, как он бросил третью бутылку, и до того момента, как он осознал, что бежит по парку, он все делал инстинктивно и вряд ли мог восстановить в памяти, как все это происходило. Но теперь он понял, что надо упасть на землю, полежать одно мгновение тихо и прислушаться.

Слышно было, как мышка шуршит где-то неподалеку от Сережки, в траве. С того места, где он лежал, он не видел пламени, но оттуда, с улицы, доносились крик и беготня. Он вскочил и пробежал еще дальше, на самый край парка, к террикону выработанной шахты.

Он сделал это на случай, если будут оцеплять парк, — отсюда он уже мог уйти при всех условиях.

Теперь он видел огромное, все более распространявшееся по небу, зарево, отбрасывавшее свой багровый отсвет даже на этот, далеко отстоящий от очага пожара, старинный гигантский террикон и на макушки деревьев парка.

Сережка чувствовал, что сердце его расширяется и летит. Все тело его содрогалось, он едва удерживался, чтобы громко не засмеяться.

— Вот вам! Зетцен зи зих! Шпрехен зи дейч? Гебен зи этвас!.. — повторял он, с неописуемым торжеством в душе, этот набор фраз из школьной немецкой грамматики, приходивших ему на память.

Зарево все разрасталось, окрашивая небо над парком, и даже сюда доносилась суматоха, поднявшаяся в центральной части города. Нужно было уходить.

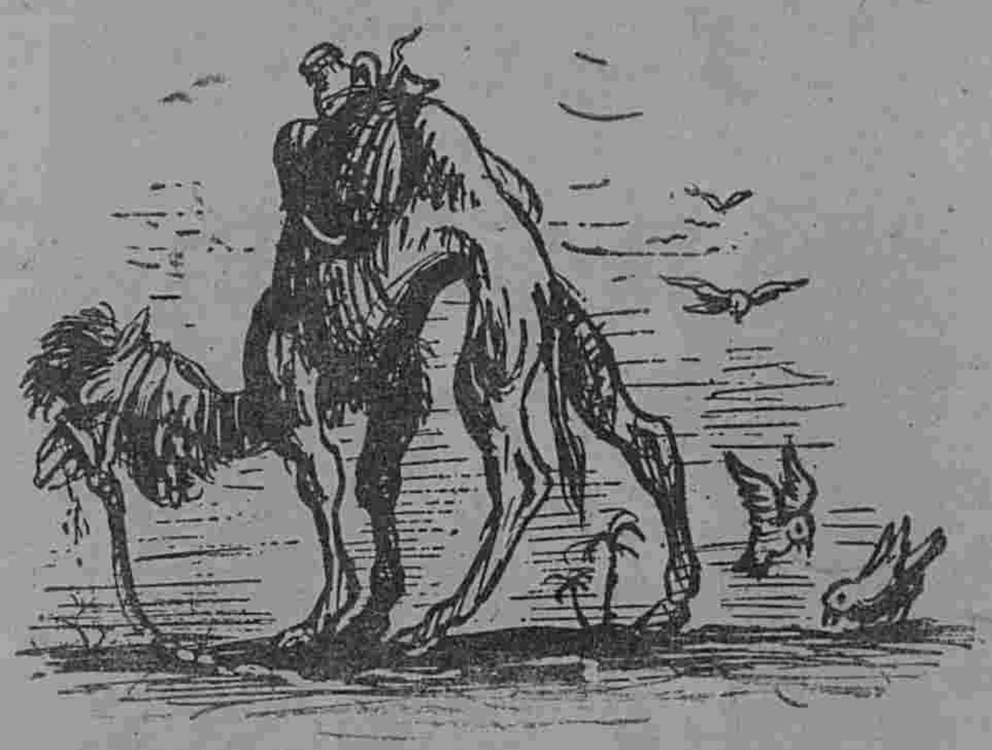


Рис. Н. Муратова

А. Шмульян

ПРОПАВШИЙ ВЕРБЛЮД

(Арабская сказка)

Шел бедняк через пустыню,
Где растет колючий дрок,
И купцов богатых встретил
У скрещенья двух дорог.
— Вы в погоне за верблюдом?
— Да, сбежал верблюд у нас.
— Он хромой?
— Уже два года.
— И слепой на правый глаз?
— Ты отлично все заметил,
Сразу видно, что не глуп.
— У него еще примета —
Потерял передний зуб?
— Да.
— Он нагружен пшеницей?
Мед везет он на спине?
— Это наш верблюд, бесспорно.
— Это кажется и мне.
— Где же он?
— Увы, не знаю.
Я три дня уже в пути.
Только вашего верблюда
Не случалось мне найти.
— Лжешь! Откуда ты приметы
Все наперечет узнал?
Ты чудесного верблюда,
Без сомнения украл.
— Нет. Я видел след в пустыне.
Но один верблюжий след.
Я, конечно, догадался,
Что людей с ним рядом нет.
Три ноги ступали твердо,
След четвертой слишком мал.
Я смекнул в одно мгновенье,
Что верблюд ваш захромал.
Только слева, вдоль дороги,
Он щипал колючий дрок.
Значит, только левым глазом
Он дорогу видеть мог.
Но в пучках, посередине,
Он травинки оставлял.
Значит ясно, что верблюд ваш
Зуб передний потерял.
Муравьи ползли по следу —
Тут и маленький поймет,
Что на землю из кувшина
Капал жидкий, сладкий мед.
Птицы весело слетались
С отдаленного лужка —
Значит, сыпалась пшеница
Из дырявого мешка.
Я скажу вам на прощанье
И прошу вас не забыть:
Надо всем, всегда и всюду
Наблюдательными быть.

ПОВЕСТЬ

(Продолжение) [1]

Е. Боронина *Рис. Б. Семенова*

ДОКТОР ЛЕДЯНЫХ НАУК

Сестра Боба — аспирант Университета — географ, как и Людмила Ивановна. Больше всего из географии Татьяна интересуется вечной мерзлотой и движением ледников. Поэтому Боб прозвал ее „доктором ледяных наук". „Доктор ледяных наук" вообще-то молодчина! Она с начала войны была на фронте добровольцем-санинструктором и здорово отличилась.

Когда в Ленинград вернулся Университет, „доктор ледяных наук" демобилизовалась. Об этом очень хлопотал ее главный профессор. Но до начала занятий Татьяна вместе со студентами работала по восстановлению Университета, как бригадир печников.

Домой Татьяна только ночевать приходила, да и то не всегда. Не вернулась она и в этот вечер.

Было еще раннее утро, когда я и Боб отправились на поиски „доктора ледяных наук" в Университет.

В первый раз в жизни я увидел знаменитый коридор Университета. Ну, и длиннющий! Вот где гонки на самокатах хорошо бы устроить! По одну сторону в коридоре окна, а по другую двери. За дверями классы, то-есть аудитории, где учатся студенты.

Весь коридор был уставлен деревянными помостами, и человек пятьдесят студенток и студентов красили стены. Но Татьяны здесь не оказалось.

„Доктора ледяных наук" мы нашли в маленьком флигеле, во дворе Университета. Она с двумя студентками складывала в одной из комнат печку. А у окон возился старичок в очках с золотой оправой. Одет он был в полинялый синий халат. На табурете около старичка лежала груда белой замазки, от которой шел приятный запах олифы. Старичок стеклил окна.

Увидев нас, „доктор ледяных наук" сперва даже перепугалась:

— Что случилось? Почему вы здесь?

Боб начал невразумительно бормотать, что мы должны сложить печь в нашем классе, но „доктор ледяных наук" сразу догадалась, что Боб хитрит, потому что во всех школах ремонт уже закончен. Тогда Боб чистосердечно признался, что мы должны сложить печь у нашей учительницы географии Людмилы Ивановны Шишовой и рассказал, какой подарок мы ей готовим.

— Да ты с ума сошел, Бобка! — сказала „доктор ледяных наук". — Разве вам справиться? А когда вам нужно сложить?

— Самое позднее к вечеру!

Тут „доктор" замахала руками и заявила, чтобы мы не морочили ей голову.

— Ну, вы, Татьяна Георгиевна, перескромничали! — вдруг заговорил старичок-стекольщик. — Вы за пять часов полнометражную печь складываете, а там печь карликовая, недомерок... Вы ее за три часа сделаете. Мальчики вам помогут.

Мы удивленно смотрели на нашего неожиданного защитника.

— Похвально, молодые люди, — сказал он, обращаясь к нам, — похвально, что вы такое горячее участие принимаете в Людмиле Ивановне. Она человек достойнейший!

— Как? Вы ее знаете?

— Отлично знаю. Людмила Ивановна моей ученицей была. Вот здесь, в Университете. Я тогда на четверть века моложе был. — И старичок превесело засмеялся.

— Ах, простите, Алексей Петрович, — спохватилась „доктор ледяных наук", — я не представила вам этих юных ленинградцев. Пожалуйста, знакомьтесь: мой брат Бобка и его приятель Петя, Алексей Петрович, —

---

[1] См. начало повести в „Костре" № 5 и 6.

Татьяна назвала фамилию знаменитого ученого географа и начала перечислять его степени и звания, — профессор Ленинградского Университета, член-корреспондент Академии Наук, действительный член Географического общества...

— Ну, довольно, довольно, Татьяна Георгиевна, — знаменитый ученый укоризненно покачал головой. — Вы их совсем запугаете.

В самом деле, мы ужасно растерялись. Мне и в голову не приходило, что профессор, да еще такой знаменитый, может вставлять стекла. Профессор будто угадал мои мысли.

— Молодые люди! Стекольщик я не по обязанности. Нет! Абсолютно добровольно. Уважаю ручной труд. До войны я каждый день полтора-два часа столярным делом занимался. А теперь увлекаюсь профессией стекольщика.

И профессор рассказал нам, что замазку он приготовляет по собственному рецепту. Она быстро сохнет и ничуть не крошится. Старичок объяснил как ее нужно делать.

Между тем, „доктор ледяных наук" как ни в чем не бывало размешивала глину и не обращала на нас ровно никакого внимания. Я заметил, что Боб подает мне сигналы азбукой Морзе с помощью пальцев. Один палец поднимет — точка. Два — тире.

„В атаку на Татьяну! — просигнализировал он. — Немедленно!"

Не успел я ему ответить, как вдруг Татьянин профессор вынул часы, посмотрел на них, и, щелкнув крышкой, сказал:

— Глубокоуважаемая Татьяна Георгиевна! Я, ваш научный руководитель, предлагаю вам в десять часов ноль минут отправиться с моими новыми приятелями и помочь им сложить печку в квартире их учительницы и моей бывшей ученицы.

И профессор, точь в точь как Боб, просигнализировал на пальцах:

„Меня она послушается. Вот увидите!"

„Доктор ледяных наук" немного поупрямилась, но потом начала переодеваться и мыть руки, чтобы ехать с нами к Людмиле Ивановне. Когда профессор подавал ей пальто, мы с Бобом не удержались и сунули в карманы по небольшому куску замазки. Она была необходима для вставки стекол в квартире больной соседки ненастоящей тетушки.

Конечно, профессор не отказал бы нам, если бы мы просто попросили у него замазки, но нам было неловко, после всего, что он сделал для нас, затруднять его такой просьбой.

Расстались мы с Алексеем Петровичем в самых дружеских отношениях. В трамвае Боб взял честное слово с „доктора ледяных наук", что она не проболтается тетушке Людмилы Ивановны, кто мы такие на самом деле. Татьяну же условились выдать за инструктора-печника.

ТАНЕЦ У ПЕЧКИ

„Доктор ледяных наук", осмотрев больную печку тетушки, заявила: необходимо разобрать печку до основания и сложить новую. Для этого потребуется пятьдесят кирпичей и два ведра глины.

Мария Николаевна сейчас же побежала к управхозу узнать, можно ли взять глину и кирпичи, которые лежали во дворе под навесом, как раз под окном кухни Людмилы Ивановны. Разрешение было получено.

Но выглянув в окно, мы увидели, что подле самого навеса играет целый взвод мелюзги под командой девочки с беленькими косичками. Вот беда! Если мы спустимся вниз — девочка с косичками нас узнает и сообщит ненастоящей тетушке, что мы тут. Все обнаружится.

— А что если нам переодеться девчонками? — предложил я. — Она нас не узнает.

— Это мысль! — сказал Боб. — Но где мы возьмем столько платьев?

Сеня показал на потолок кухни.

— Платье нужно всего одно. Смотрите! Видите этот блок?

На крюке висел довольно большой железный блок с фарфоровым колесиком. На таких блоках подвешивали раньше медные керосиновые лампы, чтобы их можно было поднимать и опускать.

— Вот что! — сказал Сеня. — Я сейчас сооружу на окне подъемник с помощью блока и веревки. Веревка висит в кладовой. Это, конечно, альпийская веревка Людмилы Ивановны, на концах у нее крюки. К одному концу мы привяжем ведро. Пусть Боб оденется девчонкой и пойдет вниз. Он будет накладывать кирпичи и глину в ведро, а мы будем тянуть ведро наверх.

— Ты, Сеня, гений! — воскликнули мы с Бобом.

Прикрыв дверь в комнату, где „доктор ледяных наук" усердно разбирала печку, а тетушка развлекала ее разговорами, мы принялись за дело.

Сеня сооружал блок, а Боб мигом влез в кухонный халат Марии Николаевны, халат как раз доходил ему до башмаков, а поверх халата напялил желтый вязаный жакет

„доктора ледяных наук“, который она сняла, чтобы не испачкать при работе. На голову Боб надел шелковую косынку „доктора“ (она служила ей вместо кашне), завязав концы под подбородком. Вид у Боба получился просто миленький.

Тотчас он выскользнул из квартиры и побежал во двор, к навесу. Он и ведро на альпийской веревке оказались на месте одновременно.

Я же, чтобы не быть узнанным, нацепил на себя противогазную маску, и смело высунулся в окно.

Вся команда девчонки с косичками перестала прыгать и мигом окружила Боба. Однако, Боб ничуть не смутился, приветливо закивал головой, и не знаю для чего, даже слегка присел, заведя правую ногу за левую.

— Ты из какой квартиры, девочка? — немедленно спросила его девчонка с косичками.

— Из какой? Из какой? — хором закричала мелюзга. — Что ты будешь делать? Зачем тебе ведро?

Я увидел, как Боб сперва поднес палец к губам, потом помахал руками около своих ушей.

— Бедненькая! Она глухонемая! — сказала девочка с косичками и погладила Боба по плечу.

Боб немедленно закивал, хотя ему как глухонемому вовсе не полагалось слышать эти слова. Но доверчивая девчонка с косичками не сообразила этого, и все отлично сошло.

Не теряя времени, Боб нагрузил ведро кусками глины, а я за веревку потянул его наверх. Блок работал превосходно, но все же тащить было тяжело. Четвертый этаж — не шутка!

В это время Сеню озарила еще одна техническая идея. Вместо того, чтобы выносить обломки старой печки на двор ручным способом, опять-таки использовать наш блок. Он предложил второе ведро, предназначенное для спуска обломков, загружать тяжелее, чем то, которое требовалось поднимать.

Ведра начали свое путешествие. Боб клал в пустое ведро по три кирпича и махал мне платком. (Он старался делать это изящно, как делают девочки, держа платок только двумя пальцами). А я в это время опускал второе ведро с негодными кирпичами. Ведра ехали сами по себе — одно вниз, другое наверх.

Через полчаса, с помощью сениного фуникулера, наверх были подняты сорок восемь кирпичей и спущены все остатки старой печки.

Боб на прощанье помахал рукой девчонке с косичками и другим ребятам, и благополучно вернулся в квартиру.

Косынку и жакет „доктора ледяных наук“ мы моментально положили на место. Она даже не заметила, что мы их брали.

А Боб признался, что он с большим трудом разыграл из себя глухонемую: говорить нельзя, а язык сам собою начинает шевелиться.

Мы поспешили на помощь „доктору“ и принялись обмазывать кирпичи глиной и подавать ей. Не прошло и трех часов, как печка была сложена и на нее надет железный каркас.

Тетушка немедленно сунула в топку газету и подожгла. Печь больше не дымила.

Здесь, у горящей печки, на Боба сошло вдохновение, и он сочинил новый куплет к нашей песне:

Печка, милая подруга
Зимних вечеров!
Ты, когда бушует вьюга
И мороз суров, —
Щедро нас даришь желанным,
Ласковым теплом,
И с тобою жизнь мила нам
И уютен дом.

и новый припев:

Твое жаркое пламя
В зимний вечер любя, —
Печь, своими руками
Мы сложили тебя!

КОНВЕЙЕР СИСТЕМЫ РБДВ

После концертной части „доктор ледяных наук“ удалилась под гром аплодисментов. Молодчина! Ни одним словом она не выдала тетушке нашей тайны.

Нам ужасно хотелось есть, но девчонка с косичками продолжала торчать на дворе. Она и вся ее команда малышей затеяли играть в „столовую“. Сложили из кирпичей что-то похожее на плиту и поставили на нее банки с травой и пирожки из песка. Потом вся мелюзга выстроилась в очередь, и девчонка с косичками выдавала им по пирожку и по горсти травы.

Наконец, из окна раздался голос:

— Тамара! Тамара! Домой!

Девчонка с косичками убежала со двора.

Мы сняли нашу спецодежду и ринулись в школьную столовую обедать. Было уже так поздно, что заодно мы и поужинали. А потом Боб куда-то исчез, наказав мне и Сене итти продолжать ремонт.

— Я скоро вернусь! — сообщил он с таинственным видом.

Соблюдая все меры предосторожности, мы приближались к дому Людмилы Ивановны. Вдруг Сеня толкнул меня в бок.

У самых ворот сидела на складном стуле и читала газету никто иная, как самая настоящая ненастоящая тетушка. Она была дежурной МПВО по домохозяйству!

Мы поспешно шмыгнули в соседний двор. Путь в дом Людмилы Ивановны был отрезан. Тетушка же могла просидеть на своем посту и два, и три, и четыре часа.

Во дворе, куда мы попали, мне сразу же бросилась в глаза небольшая дверь в глухой стене соседнего дома. Над дверью белела надпись: Запасный выход из бомбоубежища. По всем признакам, дверь вела как раз в подвал того самого дома, где жила Людмила Ивановна. „Проникнуть через подвал во двор, минуя ненастоящую тетушку у ворот“, — было моей первой мыслью. Но, увы, заманчивая дверь была почти доверху завалена кирпичами, рухнувшими от разбитой снарядом маленькой дворовой пристройки, повидимому, бывшей прачешной.

Подергав дверь, мы убедились, что хотя она и не заперта на ключ, но проникнуть через нее в подвал можно будет лишь тогда, когда бо́льшая часть груды кирпичей будет убрана.

— Давай, уберем кирпичи! — предложил я.

— Мысль блестящая! — одобрил Сеня. — Но как нам предупредить Боба, что мы на этом дворе?

Это был сущий пустяк. Я выскочил на улицу и на ближайшем углу, прямо на панели, написал мелом, азбукой Морзе, следующее:

Боб! Грозит опасность! Следуй в направлении стрелок!!!

Затем я поставил на стене дома несколько стрелок, указывающих направление в ближайший подъезд. На оборотной стороне двери подъезда, на той створке, которая не открывалась, я сообщил Бобу все необходимые подробности, тоже азбукой Морзе.

Ненастоящая тетушка сторожит у ворот. Мы пытаемся проникнуть в дом через подвал из соседнего двора. Ведем подкоп. Ищи нас!!!

Не теряя времени, мы принялись отшвыривать кирпичи от двери. Но не прошло и трех минут, как нас окружила целая ватага маленьких ребятишек.

— А кирпичи нужно вон туда носить! — сказал самый маленький мальчик, показывая на пустырь. — Из них фундамент для решетки сложат. Решетку уже вчера привезли...

В самом деле, на пустыре, вдоль панели лежала железная решетка.

— А обломки на засыпку дорожек пойдут! — продолжал объяснять мальчик. — Теперь там сад будет... Это моя мама придумала, — с гордостью добавил он.

— А кто твоя мама? — спросил я.

— Она управхоз! Управхоз! — закричали ребята хором. — Ее Феона Ивановна зовут.

— Мы уже сто пять кирпичей на пустырь снесли! — сказала девочка в сандалиях.

— А как вы их носили? — спросил я.

— Брали по штучке и носили! — объяснила девочка в сандалиях. — А как же по-другому?

— Сеня, — сказал я, — они работают непроизводительно. Давай, организуем их работу. Применим живой конвейер. Ручаюсь, через двадцать минут вся груда будет убрана.

— Что? Что? Какой конвейер? — закричали ребятишки. — А это интересно?

— Очень интересно, — сказал я. — А вы согласны играть в живой конвейер?

— Согласны! Согласны! — обрадовались ребята.

— Ну, так и быть! Давайте играть! — сказал я. — Вы будете каменщиками-строителями, я — главным инженером конвейера, а мой товарищ — заведующим кирпичным складом. Быстро постройтесь в ряд, лицом ко мне, и беспрекословно выполняйте все мои распоряжения.

Тотчас вся ватага ребят выстроилась в ряд. На правом фланге встала девочка в сандалиях. Сеня — на левом.

— Великолепно! Теперь отойдите друг от друга на расстояние вытянутой руки.

Цепочка ребятишек заметно расширилась, и я скомандовал:

— Поворот через левое плечо! Смотрите в затылки друг другу.

В ряду произошло некоторое замешательство, так как ребятишки перепутали где правая, где левая рука. Но в конце концов все уладилось. Поворотный маневр через левое плечо был произведен.

Затем я поставил конвейерную цепочку так, чтобы один ее конец находился у того места на пустыре, куда ребята уже носили кирпичи, а второй — у заветной двери.

С вершины руин я вручил первый кирпич в руки девочки в сандалиях.

— А ты передай его твоему соседу! — с поклоном сказал я. — Конвейер РБДВ начинает работать!

Ребята, посмеиваясь, начали передавать кирпич из рук в руки. А я вслед за первым, немедленно пустил в путешествие второй, третий... все время ускоряя темп.

— А почему он называется РБДВ? — спросила меня девочка в сандалиях.

— Сейчас, сейчас объясню, — крикнул я. — Соблюдайте тишину!

Мои подчиненные не замолкали.

— Одновременно с игрою в живой конвейер, мы будем играть еще и в беспроволочный телефон, — объявил я. — С помощью этого телефона вы и узнаете, что значит РБДВ. Внимание! Прошу принимать мою телефонограмму. С каждым кирпичом я буду посылать по одному слову. Поняли?

— Поняли! Поняли! — загалдели ребятишки.

Я передал по конвейеру такую телефонограмму: „Дорогие строители-каменщики, РБДВ это значит — работать быстро, дружно, весело!“

От этой новой игры лица у ребят еще больше повеселели, а между тем груда кирпичей, на которой я стоял, опускалась все ниже и ниже. Заветная дверь в подвале дома Людмилы Ивановны освободилась.

С помощью конвейерного телефона я вызвал Сеню к себе и глазами показал на дверь.

Сеня встал рядом со мной и, сделав вид, что он оступился, упал, ударив при этом изо всей силы ногами в дверь.

Со скрипом она приоткрылась, и из подвала потянуло сыростью и холодом. Я осторожно заглянул в подвал. Где-то вдалеке, в противоположном его конце, пробивалась полоска дневного света... Путь во двор Людмилы Ивановны был открыт!

В этот самый момент, с опаской оглядываясь по сторонам, во двор вбежал Боб. За спиной у него был довольно плотно набитый рюкзак, из которого торчало горлышко литровой бутылки из-под молока, аккуратно обвязанное сверху желтой компрессной клеенкой.

Больше терять времени было нельзя. Но как скрыться в подвал, не возбуждая подозрения у ребят? Вдруг они погонятся?

Я решился на жестокий обман.

„Объявляю перерыв. Приказываю всем немедленно собраться на пустыре, у старого тополя“, — передал я новую телефонограмму.

Как только она дошла до конца живого конвейера, все ребятишки с криком и хохотом бросились к старому тополю, где стояли скамейки из свежевыструганных досок.

Не медля ни секунды, я нырнул в дверь подвала. За мной кубарем скатились друзья.

Выглянув в окно подвала, я убедился, что оно находится по соседству с лестницей Людмилы Ивановны. Мы покинули бомбоубежище и помчались на четвертый этаж.

Здесь, перед дверью квартиры Людмилы Ивановны, радостным шопотом Боб сказал:

— Я выпросил у дядюшки художника литр самой лучшей олифы, банку художественных белил и два килограмма красок в порошке. Выкрасим панель в кухне — раз! Печку — два!

— И дверь „под дуб“ — три! — воскликнули мы с Сеней.

— Дверь „под дуб“ — три! — повторил, сияя улыбкой, Боб.

До позднего вечера мы белили кухню и потолок в комнате. Изобретать швейно-сундучный помост на этот раз не пришлось — у Марии Николаевны была настоящая стремянка. Боб успел покрыть первым слоем краски дверь, обреченную разделке „под дуб“.

Все шло очень хорошо, если не считать небольшого приключения с котенком Тяпой. Взобравшись на стремянку, он хотел прыгнуть оттуда на печку, но промахнулся и бултыхнулся в ведро с мелом. Из черного Тяпа превратился в белого и, задрав хвост, с жалобным мяуканьем заметался по комнате. Тетушка тут же учинила ему обмывочную ванну. Тяпа шипел, фыркал, как головешка, которую поливают водой.

(Продолжение следует)

РУССКИЕ ЗАГАДКИ

Черен, да не ворон,
Рогат, да не бык,
Шесть ног без копыт,
Идет, земли не дерет.

Живет без тела,
Говорит без языка,
Никто его не видит,
А всякий слышит.

Временем рассеваю,
Временем собираю.
Сам сыт бываю.
И людей кормлю.

ПЕРВАЯ МОРСКАЯ БИТВА РУССКОГО ФЛОТА

И. Шаскольский

После поражения под Нарвой в 1700 году Петр I не оставил мысли вернуть исконно русские земли — берега финского залива. Вскоре русские войска заняли шведские крепости — Нотенбург и Ниеншанц. Тогда на отмели, у небольшого островка Котлин, Петр построил крепость Кроншлот — надежную защиту строящегося в устье Невы города Санкт-Петербурга, будущей столицы России.

Шведы с тревогой следили за всеми начинаниями русского царя и, в конце концов, решили их пресечь.

Весной 1705 года эскадра шведского флота — двадцать два боевых корабля — под командой опытного моряка, адмирала Анкерштерн, вошла в Финский залив. А из Выборга к устью Невы, к Санкт-Петербургу, направилась сухопутная армия.

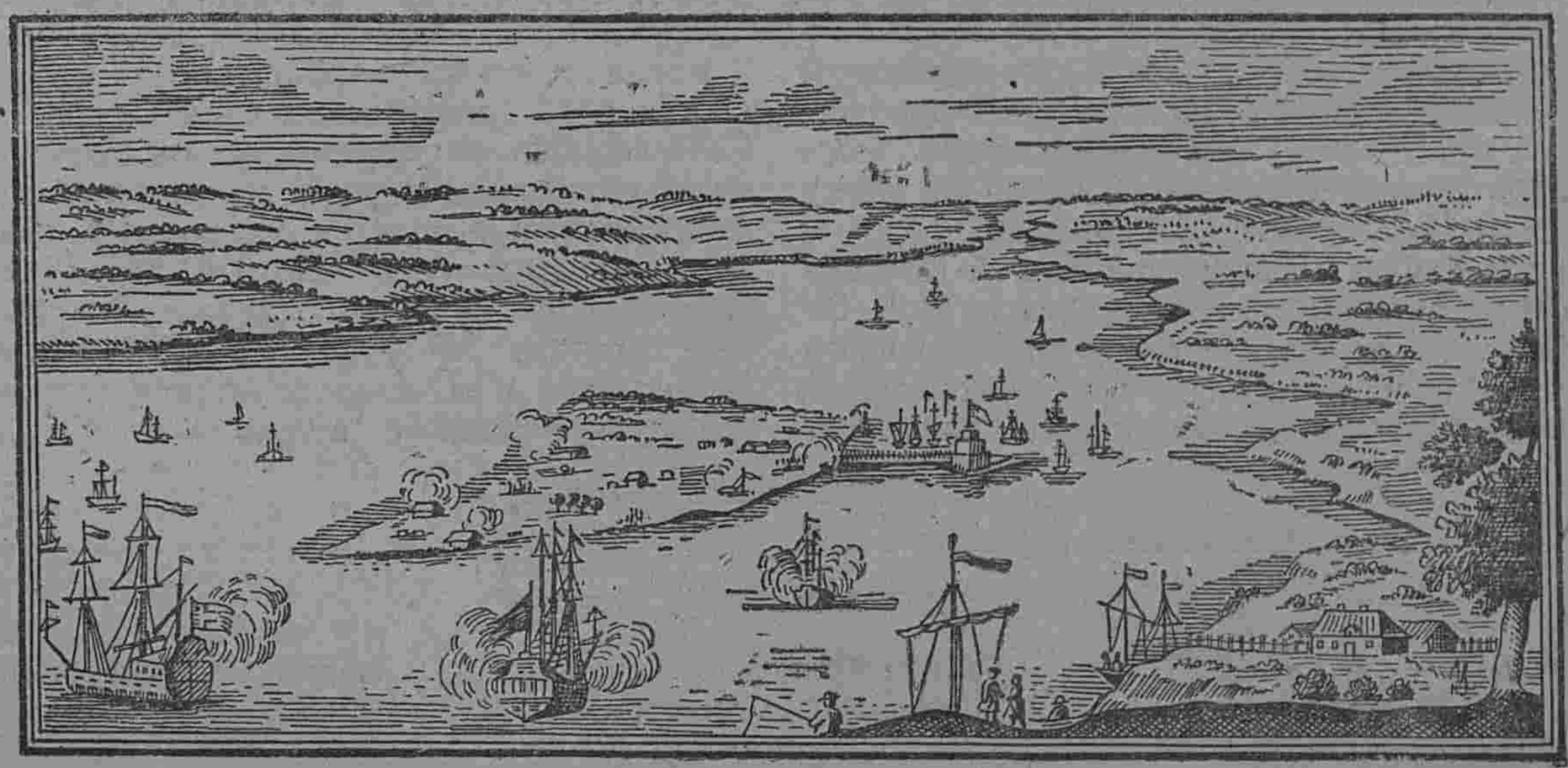
Никто из шведов не сомневался в успехе — ведь у русских не было флота. Адмирал Анкерштерн даже назначил пир по случаю будущей победы в Кроншлоте на 4-ое июня и пригласил командира сухопутных войск генерала Майдель вместе с ним отпраздновать этот день.

Наступило утро 4-го июня. Адмирал Анкерштерн взошел на капитанский мостик и стал разглядывать в подзорную трубу остров Котлин.

Он видел болотистый островок и деревянную крепость. Но что это? В проливе между крепостью и островом появилось много каких-то черных точек. Больше двадцати насчитал адмирал. Рыбачьи лодки? Действительно, население этих мест занималось рыбной ловлей. Но лодки эти для рыбачьих были слишком велики. Может быть, русские привели сюда речные барки? Случалось, что русские иногда вооружали речные суда. Каково же было удивление адмирала, когда он рассмотрел настоящие боевые корабли, а на них русские морские флаги. Эти корабли преграждали путь к Петербургу!

Шведы не понимали — откуда взялся русский флот в Балтийском море? А между тем, в этом не было ничего невероятного. Петр I уже давно строил флот. На реках Сясь и Свирь, позже на Адмиралтейской верфи в Петербурге, он спускал первые русские военные корабли. Он сам в Голландии научился кораблестроению, выписывал из-за границы мастеров — корабельных плотников и посылал русских людей в Голландию и Англию учиться строить корабли.

И вот, весной 1705 года молодой русский флот — эскадра двенадцати и двадцатичетырех-пушечных кораблей — вышел в Бал-



тийское море. Грозно блестели в судовых люках медные пушки.

Вот эти-то корабли и увидел адмирал Анкерштерн.

Три ряда русских кораблей перегородили пролив. Анкерштерн решил открыть пушечный огонь по крепости и первой линии русских кораблей. Шведы не сомневались, что русские отступят, и путь к Неве будет свободен.

Утром 5-го июня на корабле Анкерштерна взвился флаг — сигнал начала сражения. Дул попутный ветер, и шведские корабли с распущенными парусами направились к русскому флоту.

Вот загремели пушечные выстрелы. Раскаленные ядра с шипением упали в море. В ответ загрохотали русские пушки. Клубы едкого дыма окутали корабли. Тем временем несколько мелких шведских судов подошли к Котлину и начали высадку десанта.

Остров показался шведским солдатам пустынным. Гренадеры уже сошли на берег и начали строиться, как вдруг, затаившиеся русские солдаты поднялись во весь рост и бросились в атаку. Завязалась жаркая схватка. Занять остров шведам не удалось...

И на море бой не прекращался ни на минуту. Шведы так и не смогли прорваться к берегам Невы.

Был уже конец дня, когда флаг на корабле Анкерштерна пополз вниз. Это был приказ к отступлению.

Командующий русским флотом вице-адмирал Крюйс, испытанный в боях моряк, понимал, что эта победа еще неокончательная; навряд ли шведы примирятся с поражением. Поэтому он приказал своим морякам готовиться к новому бою. И, верно, Крюйс не ошибся: на другой день шведы повторили атаку.

Шестнадцать дней шведский флот угрожал Кроншлоту и много раз атаковывал русскую эскадру. Но тщетно — русский флот не отступил.

В это время сухопутные войска шведов, не получив поддержки с моря, были отброшены русскими от Санкт-Петербурга.

Так и не удалось попировать шведам в Кроншлоте. Оставалось признать, что русский флот сильнее, что русские победили.

21-го июня шведский флот поднял паруса и двинулся обратно.

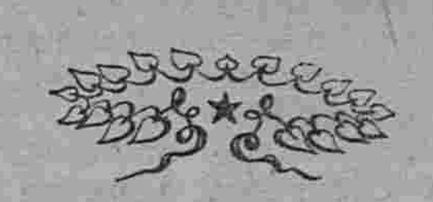
Так, двести сорок лет назад, начал свой славный боевой путь Балтийский флот, первый морской флот нашей Родины.

МОРСКОЙ ОФИЦЕР

Я. Колесников

Лицо его каждому очень знакомо.
Нахимова — внук. Ушакова — потомок.
На суше в гостях он. А дом его — море.
Живой собеседник в любом разговоре,
Умеет он спеть и сыграть на рояле
О том, как шумят океанские дали.
На палубу выйдет, — приятно взглянуть:
Как море, вздыхает широкая грудь.
Когда-то в училище, сидя за партой,
Не сразу читал мореходную карту, —
Теперь же все цифры и каждый квадрат
Прочтет без ошибки, раскрыв наугад...
Едва прозвенит боевая тревога,
Команду подаст он спокойно и строго.
Корабль на сближенье с врагами идет,
Снаряд за снарядом сверлит небосвод.
А в рубке спокойно стоит офицер,
Матросам своим подавая пример.
Морской офицер и слуга всенародный,
Отец для матроса и друг благородный.
Ему доверяют страна и народ,
Когда он матросов на подвиг ведет.

Северный флот



В ДАЛЕКИЙ РЕЙС

Георгий Трифонов

Рассветный час. Туман над морем тает.
В волнах исчезла берега коса.
Уходят яхты белокрылой стаей,
Раскрыв ветрам тугие паруса.

В далекий рейс! И солнце над заливом
К себе зовет дорогой золотой.
Здесь капитанам, юным и счастливым,
Широкий путь открылся над водой.

Здесь о борта волна лениво плещет,
Здесь все вокруг одето синевой.
И лишь вдали, на горизонте, блещет
Старик Исакий гордой головой.

Здесь, навиду, все так же неизменны
Простор небес и глубь балтийских вод,
И у штурвалов юные яхтсмены,
В июльский день идущие в поход.

В далекий рейс! Им дома не сидится,
Когда сияет солнце над Невой,
Ведь моряками издавна гордится
Наш город флотский, город боевой.

★

РАССКАЖИТЕ НА ПИОНЕРСКОМ СБОРЕ

О ХРАБРОСТИ

Матвей Романовский *Рис. Г. Фитинюфа*

Все мальчики хотят быть храбрыми. Их очень волнует вопрос о том, как стать храбрым.

Чтобы ответить на этот вопрос, я расскажу вам о своем боевом друге Алеше Новикове.

В злую морозную зиму 1943 года мы воевали в Орловской области. Наша часть получила приказ овладеть рощей, которую мы называли „Роща Ромб".

Представьте себе небольшую высотку, поросшую сосняком, а перед ней плоскую равнину, покрытую снегом толщиной в полтора метра.

Между вековыми соснами рощи прятались блиндажи и дзоты фашистов, их пулеметы и гаубицы защищали просеки. Шестиствольные минометы били по нашему переднему краю.

Мы — внизу. Враг — на пригорке. Мы — на равнине, он — в лесу. Мы его не видим. Он нас видит.

Попробовал наш батальон сходу овладеть рощей. Не удалось. Губительные очереди пулеметов и автоматов накрывали поле перед рощей сплошным градом пуль. Попадешь под такой град — не выберешься!

Пробовали ночью окружать рощу. Не выходит. Хоть наши бойцы и были одеты в белые маскировочные халаты, немец все-таки их обнаруживал, ведь ползет не один человек, а целый батальон.

Артиллерия наша бьет по роще, валит деревья, рушит блиндажи. Но немец засел прочно, зарылся в землю и стеной сплошного огня преграждает нам путь.

Как раз в это время прибыл в часть новый командир взвода разведки, Алексей Новиков. Я сразу узнал его. Это был мой товарищ по Ленинградской 101-й школе.

Явился он к командиру части в землянку, доложил по форме и сразу задание попросил.

— А вот, — сказал майор, — попробуйте взять „Рощу Ромб" силами разведки. Сможете?

— Разрешите через два часа доложить, — сказал ему Новиков, — посмотрю, подумать надо.

Через два часа является и докладывает:

— Побывал на местности, посмотрел, подумал. „Рощу Ромб" сегодня ночью взять можно. Мне нужно семь человек и ни одной пушки!

— А не хвастаешь? — спросил майор.

Новиков достал карту из планшетки и коротко изложил майору свой план.

— Храбро, храбро, — забасил майор, — отчаянно смело, но умно. Ну, ни пуха тебе, ни пера!... Иди.

Вот, что сделал Алеша Новиков в ту ночь.

Отобрал себе в помощь шесть лучших разведчиков-пластунов, потолковал с ними, а в двадцать два часа они ушли гуськом вперед и скрылись в морозной дымке. Когда до немецких траншей оставалось четыреста метров, Алеша подал знак своим разведчикам. И сразу трое, нагнувшись, пошли вправо, трое — влево. Разместились так, что каждый был от другого метрах в двадцати, не ближе. Потом все разом поползли по снегу вперед. Ветерок дул в лицо, донося до бойцов обрывки немецкой речи. Когда до немецкой траншеи осталось метров двести, разведчиков чуть было не обнаружили — ослепительный свет ракет залил всю равнину. Но разведчики не растерялись — они зарылись в снег и теперь, как кроты, прорывали себе дорогу к роще сквозь толщу снега, разгребая его руками.

Все были легко одеты — в меховые безрукавки и меховые чулки, но путь был так труден, что бойцы вспотели с головы до ног. Когда становилось уж очень трудно дышать, они осторожно высовывались из-под снега, жадно вдыхали колючий морозный воздух, прислушивались, а потом снова зарывались в снег. Над их головами тонко посвистывали пули. Так, не замеченные врагом, проползли они последние двести метров под снегом. Ушло на это целых четыре часа.

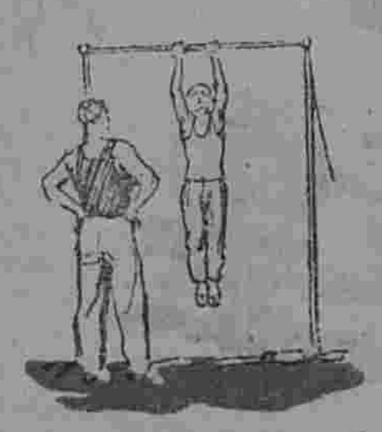
В немецкой траншее стояли часовые-ракетчики. Через каждые пять минут они палили из своих ракетниц, освещая местность. И все же, незримо и бесшумно, проползли между ракетчиками семь наших разведчиков, перебрались через траншею и очутились в роще, занятой врагом.

Безудержным, оглушительным свистом подал Алеша Новиков условный сигнал. Вскочив, прижавшись к соснам, разведчики вскинули автоматы. В каждом диске автомата свыше семидесяти патронов. Семь разведчиков за несколько секунд опорожнили диски. Пятьсот пуль в эти секунды получили немцы, те, кто стоял у пулеметов, у минометов, те, кто дежурил в окопах, в ходах сообщения. Ни одного выстрела не раздалось в ответ, только дикий вопль ужаса, как предсмертный вой затравленной стаи волков, пронесся по роще.

— Руки вверх! Сдавайтесь! — закричал по-немецки Новиков, а спустя мгновение снова:

— Огонь!

Семь автоматов опять обрушили свой огонь на немцев. Треск автоматов подхватывало эхо и удесятеряло его. Невообразимая паника поднялась в роще. Бросая пулеметы и автоматы, уцелевшие немцы, сидевшие в роще, сломя голову, бежали к реке. Их по пятам преследовали наши разведчики. А уж по полю, во весь рост шли в атаку наши роты довершить дело, так удачно начатое разведкой. „Роща Ромб" стала нашей.



Через два дня Алеша Новиков и его солдаты были награждены орденами. Откуда же явилось в Алеше столько мужества, столько воли, находчивости и выдержки? Как стал он храбрецом?

Вспоминаю я светлый спортзал в нашей школе. Шел первый урок физкультуры после каникул.

Леонтий Петрович, наш преподаватель, выстроил нас, шестиклассников, около турника. В трусиках, в тапочках, мы по очереди подпрыгивали и подтягивались. Алеша Новиков подтянулся меньше всех: два раза.

Леонтий Петрович пристально посмотрел на Алешу и сказал, усмехаясь:

— Слабовато.

Алеша густо покраснел, но не опустил головы.

На следующий день он пришел в школу чуть свет.

Огромный спортзал на третьем этаже был пуст. Алеша подбежал к турнику, поглядел на него исподлобья и, вдруг подпрыгнув, сильно и цепко ухватился за железную перекладину, как за холку дикого, необъезженного коня, которого предстояло укротить.

Когда внизу, в вестибюле, зазвенели голоса, и здание начало наполняться привычным гулом, Алеша быстро прошел в свой класс и сел за парту. На следующее утро он опять был в школе ни свет ни заря.

Подоспел день занятий с Леонтием Петровичем, дошла очередь до Алеши работать на турнике.

Больше двух раз он не подтянулся. Только теперь он уже не краснел, когда слышал насмешки товарищей.

Весь месяц на уроках физкультуры повторялось одно и то же: Алеша выжимался два, редко три раза. Но вдруг произошло совершенно неожиданное событие. Алеша, когда подошла его очередь, очень легко подтянулся на турнике семь раз, — больше всех!

Ребята восхищенно ударили в ладоши. Леонтий Петрович с удивлением разглядывал Алешу, как будто перед ним стоял не простой курносый мальчик, а по крайней мере чемпион по легкой атлетике.

— Как ты сумел? — изумился Леонтий Петрович.

Алеша пожал плечами:

— Тре-ни-ров-ка, — ответил он, раздельно выговаривая каждый слог, — ежедневная тренировка.

Вспоминается мне и такой случай. Одно лето мы жили в лагере. Алеша очень хотел научиться плавать. Наш пионервожатый Миша затащил его на глубокое место и бросил. Алеша камнем пошел ко дну, и хотя его тут же вытащили, он с этого дня стал еще больше бояться воды. Ребята жалели его и смеялись над ним. Это страшно его угнетало. Он говорил мне наедине:

— Вот ничего не боюсь, а воды боюсь, так трушу, что самому противно.

И он решил, несмотря ни на что, все-таки научиться плавать. Он начал „плавать на суше". Уморительно было смотреть, как, растянувшись на желтом песке, Алеша, под мою команду, тренировался в плавательных движениях: выкидывал руки и бил по песку ногами. Но как ни подтрунивали над ним мальчики, он не отказался от этой затеи. К концу лета он научился держаться на воде не хуже, чем мы. А через три года, мастер спорта Клавдия Алешина взяла его к себе в спортивную школу, как замечательного пловца.

Когда я припоминаю эти случаи, мне становятся понятны слова Льва Толстого: „По-настоящему храбр не тот, кто ничего не боится, а тот, кто умеет преодолеть в себе робость". Но преодолеть в себе робость нельзя, не развив силы воли. А выработать в себе настоящую силу воли способен только тот, кто честно относится к себе и не дает поблажек своей лени и трусости. Честность и сила воли — ступеньки к храбрости.

★

СПОРТИВНЫЙ ГОРОДОК

В пионерском лагере, на школьной площадке или на дворе можно построить хороший физкультурный городок. Все сооружения городка простые, их нетрудно изготовить собственными силами из подручных материалов. Как сделать самые сложные детали, здесь показано. Физкультурный самодельный городок состоит из девяти сооружений. Сначала переправляются через „пропасть", то-есть с помощью железных колец скользят по гладкой проволоке, натянутой наклонно между двумя деревьями (1).

Затем перелезают (2) через забор (его высота 160 см.) Все кромки забора остругана и закруглены, чтобы не повредить рук, ног и не порвать платья. Следующее испытание — проползти под проволочным заграждением (3). Гладкая проволока с привязанными к ней мелками натянута на такой высоте, чтобы ползти приходилось „по-пластунски" — на животе. Если задела мелок, значит — не прополз.

Затем соревнующийся проходит на руках мост-лестницу (4). Расстояние между ступеньками 30 см. Дальше нужно проползти через узкую бетонную или фанерную трубу (5). Ее можно сделать, свернув листы фанеры.

Бег в ящиках (6). Ступая в каждый ящик, следует высоко поднимать колени. Мост-бревно (7) — отличное упражнение для развития чувства равновесия. Направляясь к двойной лестнице (8), ребята сначала забираются по правой лесенке. По перекладине на животе переползают на левую лесенку, спускаются по ней и, обежав ее кругом, „ныряют" под веревку, натянутую между лесенками.

Спустившись на землю, соревнующиеся перепрыгивают через трубу (5) и хватаются за конец веревки, висящий на козлах (9). Раскачавшись и держась за конец веревки, прыгают через ров и попадают на площадку. Здесь — финиш. Победителем в этих соревнованиях выходит тот, кто быстрее остальных одолевает все препятствия.

Соревноваться в этом физкультурном городке могут сразу два-три человека. Старт дают через каждую минуту. Если кто сорвется, зацепится мелом, не одолеет одного из сооружений или ступит ногами не во все ящики, тот выбывает из игры. Он снова становится на старт и начинает все сначала.

МУДРАЯ ЖЕНА

ЧЕШСКАЯ СКАЗКА

Записала А. Войтинская

Рис. Б. Семенова

Жили-были два брата. Один богатый, да скупой — сухой корки нищему в праздник и то пожалеет. А другой брат — бедный, да добрый — последним поделится. У богатого детей не было, а у бедного была дочь, Марией ее звали. Всем хороша была Мария — и собой пригожа, и разумна, и скромна.

Как подросла Мария, отдал ее отец в работницы к дяде. Вот работает она год, работает два — ничего за свою работу не просит. Кормит ее дядя — и ладно, всё в отцовом дому одним ртом меньше. На третий год стала она просить у дяди, чтобы заплатил он ей хоть немного за труды. А дяде кошелек развязать, с копейкой расстаться, что с родной матерью, до того жаден.

— На что тебе деньги? — говорит. — Есть у меня трехмесячная телка, я ее выращу и отдам тебе. Хочешь?

— Хочу, — говорит Мария. — И у нас с отцом свое хозяйство будет.

Три года отслужила она дяде. Была она проворна, как огонь, и трудолюбива, как пчела. Кончился ее срок, и стала она просить заработанную телку.

А телка тем временем выросла в добрую дойную корову. Жалко дяде отдавать такую хорошую корову, вот он и говорит:

— Ну на что тебе корова? В вашем хозяйстве и прокормить ее нечем. Возьми лучше немного денег.

— Нет, — говорит Мария, — ты обещал мне за работу корову. А денег мне не надо.

Не отдал ей дядя корову. Только ничего она не добилась. Тогда Мария послала своего отца к судье.

Выслушал судья жалобу и задумался:

„Истец прав, но беден, ответчик неправ, но богат. Неразумно итти против богатого, нехорошо итти против правого“.

Вот думал судья, думал и придумал:

„Задам я им обоим загадку, кто отгадает, тому корова и достанется“.

И задал он братьям такую загадку:

„Что всего богаче, что всего быстрее и что всего слаще?“

Оба брата пошли домой и всю дорогу ломали себе над загадкой головы.

— Ну что? — спросила дома жена богатого брата. — Как решил дело судья?

— А ну его! — крикнул богатый и стукнул со злости по столу кулаком.

— Неужто ты проиграл тяжбу? — спрашивает жена. А она тоже жадная была, под стать своему муженьку.

— Проиграть, не проиграл, да и не выиграл, — отвечает муж. — Задал нам судья загадку: „что всего богаче, что всего быстрее и что всего слаще?“ Кто, говорит, отгадает, тому корова и достанется. Да как тут отгадаешь?

— Есть о чем тужить? — говорит жена. — Кто может быть быстрее нашей собачки Рыжика, что может быть слаще нашего меду, богаче нашего сундука с добром!

— Молодец, жена! Правильно разгадала. Как была корова наша, так нашей и останется!

А бедный мужик пришел домой скучный, печальный. Повесил шапку на гвоздь, сел за стол и задумался.

— Что с тобой, батюшка? — спрашивает Мария.

— Что со мной? Известно, пану судье ничего не стоит одурачить бедного мужика. Задал он нам загадку: „что всего богаче, что всего слаще, и что всего быстрее?“ Как тут отгадаешь? Не было у нас коровы и не будет.

— Не печалься, батюшка, — говорит Мария. — Потерпи до утра. Может, я и отгадаю загадку.

На утро Мария подает отцу шапку и говорит:

— Иди, батюшка, к судье и скажи ему так: всего слаще — сон, всего быстрее — глаз, а богаче всего — земля. Только смотри, не проговорись, кто разгадал загадку.

В назначенный час оба брата явились к судье.

— Я так думаю, — начал богатый, — быстрее всего наша собака Рыжик, слаще всего наш мед, а богаче всего мой сундук с деньгами.

— Нет, дружище, не отгадал, — сказал судья. — Послушаем, что скажет твой брат.

— Я думаю, пан судья, так: что может быть быстрее глаза? Птица не успеет долететь, а глаз уже увидел. Что слаще сна? Заснет человек и всякое горе забудет. А богаче всего земля. От земли и все наше богатство идет.

— Загадку ты отгадал, и корова твоя, — сказал судья. — Но, скажи мне, кто тебе помог? Не по твоей голове эта загадка.

Мужик и так и этак, да пришлось в конце концов сказать правду.

— Ну, и умница у тебя дочь! Скажи ей, чтобы она пришла ко мне завтра — ни во дню, ни в ночи, ни одетая, ни раздетая, ни пешком, ни в телеге.

Пошел бедняк домой, повеся голову. И корове даже не рад.

Дочь выбежала к нему навстречу.

— Что с тобой, отец, почему опять невесел? — спрашивает.

— Дочка моя, — отвечает отец, — не поверил пан судья, что я сам загадку разгадал. Не по твоей голове, говорит, загадка. И так ко мне пристал с вопросами-расспросами, что пришлось ему всю правду выложить. А теперь он приказывает тебе придти к нему завтра — ни днем, ни ночью, ни одетой, ни раздетой, ни пешком, ни в телеге.

— Ну что же, пусть будет по его воле.

Среди ночи Мария встала, надела на одну ногу чулок, на другую башмак, напялила на себя мешок и, сев на козу, чуть свет отправилась к судье.

Судья поджидал ее у окна.

— Умница — разумница! — сказал он и вышел ей навстречу. — Не хочешь ли быть моей женой?

— Отчего же не хотеть? — ответила Мария.

Скоро и свадьбу сыграли.

На другой день после свадьбы судья сказал своей жене:

— Слушай, жена! Уговор дороже денег. Ты хоть и умна, а в мои судейские дела не мешайся. Не то я отошлю тебя к отцу.

— Хорошо. Твоя воля для меня закон.

Ну, зажили Мария и пан судья в добром согласии. Соседи все кругом полюбили Марию за мягкое сердце и ум.

Через некоторое время пришли к судье два мужика судиться.

— У нас с соседом, — говорит первый, — паслись на одном лугу его баран и моя овца. К осени родились ягнята. Сосед загнал в свой хлев ягнят и не отдает. Божится, клянется, что это его ягнята. Рассуди ты нас, пан судья, по справедливости. Сделай милость!

А судья тех мужиков хорошо знал, они в недалеком соседстве жили. Тот, у которого баран был, имел хозяйство ладное, богатое, амбары у него от хлеба ломились, в хлеву всякий скот стоял. Ну, судье и не захотелось с таким богачом ссориться, он и присудил ему ягнят.

Как раз в то время Мария сидела в соседней комнате и все слышала. Жалко ей стало бедного мужика.

Пошли мужики домой. Богатый веселый идет, а бедный голову опустил, пригорюнился. Мария стукнула потихоньку в окошко и зазвала к себе бедняка.

— Неужели ты уступишь? Где же это слыхано, чтобы у барана ягнята рождались?

— Очень мне обидно, — сказал бедняк. — Да что поделаешь, если пан судья так рассудил.

— А я тебе скажу, что делать, но только обещай не говорить, кто тебя научил. Завтра в полдень возьми сеть и отправляйся на гору. Раскинь сеть по траве, будто рыбу ловишь. В это время мой муж проедет мимо. Он, конечно, станет над тобой смеяться, а ты скажи: „если у барана могут быть ягнята, отчего же на горе рыбе не водиться?“

Мужик так и сделал. Вот сидит он на горе, сети раскинул, будто рыбу ловит. А тут как раз судья со своими гостями на охоту собрался. Подъехал судья к мужику и спрашивает:

— Ты что здесь делаешь?

— Рыбу ловлю.

Засмеялся судья.

— Вот дурень, разве в траве рыба водится?

— Всякое на свете бывает. Если у барана могут быть ягнята, отчего ж на горе рыбе не быть?

Судья покраснел, как рак. Наклонился он к мужику и шепнул ему в самое ухо:

„Ягнята будут твои, если скажешь, кто тебя научил так поступить“.

Что мужику делать? Правду сказать — добрую пани выдать, обещание свое нарушить; смолчать — навеки с ягнятами распрощаться. А уж как хороши ягнята! Не стерпел мужик и рассказал, как дело было.

Мрачнее ночи вернулся судья домой. Мария поджидала его с ужином. Но судья за стол не сел. Посмотрел он грозно на свою жену и говорит:

— Жена, ты, видно, позабыла, что сказал я тебе на другой день после нашей свадьбы.

— Нет, не забыла.

— Так зачем же ты вчера сунулась со своими советами к мужику?

— Не могла я вынести несправедливости. Обидел ты мужика.

— Обидел или не обидел, не твое это дело. Придется тебе завтра же отправиться к отцу. Но чтобы ты не сказала, что и с тобой я поступил несправедливо, я позволяю тебе взять из дому то, что тебе здесь всего дороже.

— Твоя воля для меня закон. Только об одном прошу тебя, — позволь мне на прощание с тобой поужинать.

— Хорошо, пусть будет по-твоему, — сказал судья и сел за стол.

Самые лучшие куски подкладывала Мария на тарелку мужа и то и дело подливала ему вина.

— Выпей, муж мой, за мое здоровье! Это ведь в последний раз, — приговаривала она и наполняла его стакан.

Судья ел и пил, пока веки у него не отяжелели и не одолел его крепкий сон. Тогда Мария приказала слугам положить мужа в кровать и так в кровати нести его за нею в дом отца.

Утром судья проснулся, протер глаза, но никак не мог понять, где он находится. Тут дверь открылась и вошла Мария в крестьянской одежде.

— Что это значит? — спросил судья.

— Я исполнила твое приказание и вернулась к отцу.

— Ну, а я-то как сюда попал?!

— Ты позволил мне взять из дому то, что мне всего дороже. Я и взяла тебя.

— Ну, жена, вижу — мне тебя не перехитрить. Вернемся домой и будем жить в мире и согласии.

С той поры судья во всем советовался со своей женой, и все были очень довольны, потому что жена судьи была разумна и добра.

ЧАРЛЗ ДИКЕНС

1812—1870 гг.

Отец Чарлза, м-р Джон Дикенс, жизнерадостный фантазер и мечтатель, смотрел на жизнь, как на праздник, а судьба дарила ему одни неудачи. Покуда в его голове громоздились несбыточные проекты, как сделаться богатым, нужда выуживала из его кошелька последние пенсы.

Но Джон Дикенс упрямо верил, что, рано или поздно, ему непременно должно повезти. Бедняк-горемыка, он все делал наперекор судьбе: дома нечего было есть, а он задавал в харчевне обеды друзьям-приятелям; мистрисс Дикенс сбывала старьевщику свое единственное приличное платье, а он шел к портному, заказывать модный фрак.

Каждое утро в закрытую дверь дома Дикенсов с проклятиями ломилась толпа разносчиц и мелочных торговцев, требуя уплаты долгов. И все-таки мистер Дикенс не унывал. Он задумал разбогатеть, открыв образцовую школу для богатых детей, нанял пустующий дом и расклеил по Лондону множество объявлений, восхвалявших на все лады „превосходное заведение мистрисс Дикенс". А в эти же самые дни, сын его, маленький Чарлз, с тоской говорил сестре: „Чего бы я не дал за то, чтобы меня послали хоть в какое-нибудь училище!"

Но крикливые объявления не привлекли в школу Дикенсов ни одного ребенка, и семья окончательно разорилась.

Заимодавцы упрятали мистера Дикенса в старую долговую тюрьму Маршалси. В этой тюрьме содержались не преступники, а несчастные люди, которых запутала жизнь, и Джон Дикенс очень быстро в ней обжился. Вскоре он перевез туда на житье всю семью, кроме дочери Фанни и Чарлза.

Так, на десятом году, Чарлз Дикенс остался один в неуютном огромном Лондоне.

Сердобольные родственники „пристроили" мальчика на фабрике сапожной ваксы и тут же забыли о нем. В полутемной фабричной конторе он, с утра до вечера, одевал на банки с ваксой бумажные колпаки и перевязывал их бечевкой. Хрупкий, бледный, с кудрявой головой на тоненькой шее, он невольно обращал на себя внимание покупателей ваксы, и хозяину надоели расспросы о нем. Мальчика послали в подвал, где работали два других подростка—Павел Грин и Боб Феджин. Много лет спустя, знаменитый писатель Дикенс изобразил их в своих романах. По причудливому писательскому капризу, именем Боба Феджина, грубоватого, но доброго малого, он окрестил омерзительного ростовщика и убийцу в романе „Оливер Твист". Но тот, кто захочет подробней узнать о детстве Чарлза Дикенса, пусть сам прочтет „Давида Коперфильда" или „Оливера Твиста". В этих двух романах целые страницы взяты прямо из его биографии, и сквозь богатый писательский вымысел в них видна настоящая правда жизни.

По воскресеньям Чарлз отправлялся домой—в тюрьму. Называть тюрьму домом было мучительно стыдно, и каких только уловок не выдумывал он, чтобы Феджин и Грин не узнали куда он идет.

А Джон Дикенс совсем обжился в тюрьме: подружился с веселой компанией, играл в карты, даже ухитрялся и здесь задавать обеды друзьям. Неисправимый мечтатель, он и в тюрьме не терял своей веры в удачу, был убежден, что получит большое наследство по смерти какого-нибудь бездетного родича.

Может быть именно от него, Чарлз, великолепно изобразивший отца в образе мистера Микобера из романа „Давид Коперфильд", и сам научился верить в счастливый конец самых несчастных событий.

Ведь именно так, неожиданно светлым концом, после длинной цепочки несчастий и бедствий, разрешаются и „Давид Коперфильд", и „Оливер Твист" и даже „Барнеби Редж".

У каждого обитателя Маршалси была своя, печальная или трагическая, глупая или смешная история жизни. Там доживал свои

дни глубокий старик, переступивший тюремный порог веселым юношей и с тех пор уже никогда не видавший лондонских улиц. Больше всего на свете боялся он, что его „выгонят на свободу“ и что он там умрет с голода. Были в тюрьме и другие несчастные „чудаки“.

Маленький Чарлз, из жалости к этим людям, поклялся разрушить тюрьму Маршалси, когда вырастет. И это ему удалось. Став знаменитым писателем, он так ярко, с такой удивительной силой и правдой нарисовал Маршалси и ее обитателей в „Крошке Доррит“, что англичане закрыли эту тюрьму, а потом уничтожили и самое здание.

Ночуя в тюрьме, Чарлз так плакал и мучился, что родители на последние деньги сняли ему мансарду с окном во двор, где росло огромное дерево. Мальчику этот чердак показался раем.

Наконец Джону Дикенсу повезло в первый и последний раз в жизни: он действительно получил наследство, расплатился с долгами и выбрался из тюрьмы. Наконец и двенадцатилетний Чарлз смог покинуть проклятую фабрику ваксы и поступить в школу, о которой так страстно мечтал.

Но счастье учиться досталось ему не надолго. Через два года он должен был бросить школу, чтобы работать писцом в конторе одного адвоката. И эту контору он описал потом в книге „Пиквикский клуб“. Изображенные им портреты судей и адвокатов, равнодушных, жестоких и жадных, пренебрегающих правдой и справедливостью, заставляют читателя и негодовать и смеяться, так метко схватил Дикенс все то отталкивающие, то комические черты судейских дельцов.

Но заработок писца был удручающе мал. Семья опять голодала, и Дикенс в шестнадцать лет принялся изучать стенографию, чтобы сделаться репортером в одной из газет.

Девятнадцати лет он стал репортером. Он должен был доставлять в газету сведения о шумных судебных процессах, преступлениях и скандалах, случавшихся чуть ли не ежедневно во всех городах старой Англии. Дикенсу приходилось мчаться на место происшествия то в омнибусе, то в наемной карете, то верхом, то в крестьянской тележке. Он обедал в деревенских харчевнях, ночевал на заброшенных постоялых дворах, видел тысячи новых людей, слышал сотни историй.

Вся жизнь старой Англии проходила перед его глазами. Дикенсу так и хочется подцепить ее кончиком пера и записать на бумаге. Раскройте „Пиквикский клуб“, „Барнеби Редж“, „Николай Никльби“ или другой роман и вы сразу увидите эту пеструю жизнь, со всеми ее печальными и смешными событиями.

Перед вами развернется галерея живых портретов, вы окунетесь в удивительный мир путевых приключений. Наблюдения над жизнью и заставили Дикенса стать писателем. Он начал писать очерки, которые нравились публике потому, что кроме хорошего слога и замечательных приключений, в каждой их строке искрился настоящий юмор. Окрыленный успехом, Дикенс решил связать свои впечатления в настоящий роман. Он придумал чудесного Пиквика, неуклюжего, толстого добряка, наделенного верой в справедливость, в честность, в добро, в идеальную дружбу и в чистую человеческую любовь. Он окружил его замечательными приятелями и приставил к нему одного из самых забавных, остроумных и верных слуг во всей мировой литературе, он основал необыкновенный клуб чудаков-пиквикистов и отправил их путешествовать по тем дорогам, по которым странствовал сам, будучи репортером. Так возник один из самых веселых романов на свете. В нем Дикенс высмеял лицемерие, пустоту и тупость английских горожан, их жалкие интересы, их устарелые обычаи. Роман имел необычайный успех, и Чарлз Дикенс стал сразу прославленным писателем.

После этой книги Дикенс с удивительной легкостью и быстротой пишет один за другим свои замечательные романы.

В романе „Оливер Твист“ писатель рассказывает о жалкой и суровой судьбе сироты-под-

ростка, сохранившего чистое сердце в страшной компании преступников и убийц. Он потерял в детстве родителей, попал в дом „милосердия“, где бездушные лицемеры-надзиратели издевались над сиротами, был украден ворами, и, наконец, его спас его собственный дед.

В „Николае Никльби“ Дикенс повествует о честном юноше, наделенном удивительной добротой и готовом всем пожертвовать для других. Он показывает как трудно жить такому человеку среди эгоистов и преступников. Он рисует в этом романе страшные сцены из жизни старой английской школы, в которой ловкие дельцы даже не помышляют о науке, а только калечат душу и тело своих учеников, наживаясь на их счет.

В „Крошке Доррит“, в „Давиде Копперфильде“ Дикенс, как уже говорилось, изображает без всяких прикрас тяжелую судьбу бедняков. В романе „Домби и сын“ он создает яркий образ бессердечного капиталиста-дельца, в котором жажда наживы убила все человеческие чувства. Но писатель рассказывает и о том, как любовь дочери смягчила ледяное сердце богача и вновь воскресила в нем человека.

Все, о чем пишет Дикенс, пересказать невозможно. Лучше самим прочитать его увлекательные романы. Тот, кто принимается за них, никогда не жалеет об этом. Дикенс, как ни один другой писатель, умеет соединить правду жизни с самым причудливым вымыслом. В его романах одна тайна следует за другой, и до последних страниц нельзя догадаться, как все раскроется. Никто лучше Дикенса не умеет сначала напугать читателя, потом до слез рассмешить его, растрогать, вызвать его гнев и негодование и закончить все мирным счастливым концом.

В романах Дикенса и в его прекрасных „Рождественских сказках“ все хорошо, и только с одним нельзя согласиться. Дикенсу кажется, что для того, чтобы исправить и изменить ту самую тяжелую и уродливую жизнь, которую он изображает с таким мастерством, достаточно иметь благородное сердце. Он думает, что самого отъявленного эгоиста, негодяя или скрягу можно превратить в доброго человека, не меняя условий жизни, стоит только его растрогать. На самом деле это не так. Без боя и без борьбы ни один скряга не расстанется со своими деньгами, и романы самого Дикенса, в которых он так правдиво изображает жизнь, против воли писателя, убедительно говорят об этом.

Но несмотря на ошибочность некоторых своих выводов, Дикенс — великий писатель, удивительный мастер рассказа, чудесный художник, умеющий зоркими глазами подметить самые интересные и важные стороны жизни и заставить читателя глубоко и серьезно задуматься над ними.

Вс. Успенский

★

РАПОРТ

С. Погореловский

— Ну, ребята-рыболовы,
Рапортуйте, —
Ваше слово!

— Мы проснулись до рассвета.
Тихо...
Мышь скребется где-то.
Петухи вдали пропели.
Тянет сыростью в окошко...
Хорошо, тепло в постели.
Эх, поспать еще немножко!

Нет, довольно! Скоро — пять.
Бригадир сказал:
— Вставать!
Мы вскочили,
Мы оделись,
И скорей из дома вон!
Ледяной водой умылись, —
Смыли дрёму,
Стёрли сон.

И пока другим в постели
Потянуться было лень,
Мы на озере смотрели,
Как рождался новый день.
Как туманы-великаны
Подымались на курганы,
Как стеною встали там,
Не пуская солнце к нам.

Над седыми их горбами
Небо заревом зажглось.
Солнце копьями-лучами
Пробивало их насквозь.

Окровавлены,
Багряны,
Пошатнулись великаны,
Опустились до земли,
Извиваясь, уползли.

Озарив равнины светом,
Солнце вышло на простор.
Славя утро,
Славя лето,
Грянул песню птичий хор.
Вот как было!
Ну, да это —
Посторонний разговор.

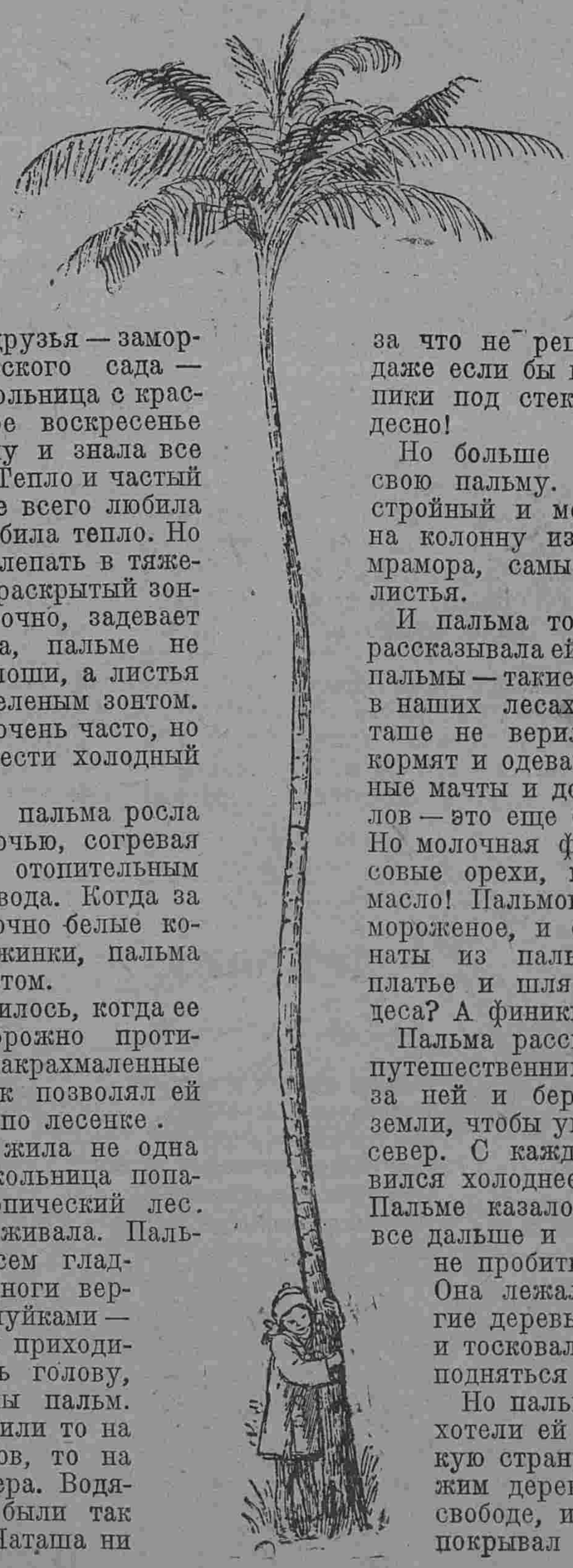
Рапорт будет впереди.
С чашкой, ложкой подходи!

Вот он рапорт наш какой:
Называется ухой.
Как, ребята, неплохой он?

— Очень даже неплохой!

Пальма и девочка

Варвара Вольтман *Рис. Н. Петровой*



Они были большие друзья — заморская гостья Ботанического сада — пальма и маленькая школьница с красным галстуком. Каждое воскресенье девочка навещала пальму и знала все ее привычки и прихоти. Тепло и частый дождь — вот что больше всего любила пальма. Наташа тоже любила тепло. Но дождь! Что хорошего шлепать в тяжелых галошах и таскать раскрытый зонтик, который, как нарочно, задевает всех прохожих! Правда, пальме не нужно было надевать галоши, а листья ее сами раскрывались зеленым зонтом.

Дожди в городе шли очень часто, но разве пальма могла вынести холодный северный дождь?

В Ботаническом саду пальма росла под стеклом. Днем и ночью, согревая воздух оранжереи, по отопительным трубам бежала горячая вода. Когда за стеклянными стенами, точно белые колибри, кружились снежинки, пальма зеленела так же, как летом.

Наташе особенно нравилось, когда ее пальму умывали, осторожно протирая блестящие, точно накрахмаленные листья. Иногда садовник позволял ей подняться с ним вместе по лесенке.

В оранжерее пальма жила не одна Каждое воскресенье школьница попадала в настоящий тропический лес. Картинка в учебнике оживала. Пальмовые стволы — то совсем гладкие, то мохнатые, как ноги верблюда, то покрытые чешуйками — гордо тянулись вверх, и приходилось высоко закидывать голову, чтобы увидеть вершины пальм. Чудесные листья походили то на огромные перья страусов, то на искусно вырезанные веера. Водяные цветы в бассейнах были так нежны и красивы, что Наташа ни за что не решилась бы сорвать их, даже если бы позволил садовник. Тропики под стеклом — как это было чудесно!

Но больше всего девочка любила свою пальму. Ведь у нее был самый стройный и могучий ствол, похожий на колонну из золотисто-коричневого мрамора, самые широкие и большие листья.

И пальма тоже узнавала Наташу и рассказывала ей о далеких тропиках, где пальмы — такие же обычные деревья, как в наших лесах березы или сосны. Наташе не верилось, что пальмы поят, кормят и одевают человека. Корабельные мачты и дома из пальмовых стволов — это еще было похоже на правду. Но молочная ферма на дереве — кокосовые орехи, которые дают молоко и масло! Пальмовый сок, холодный, как мороженое, и сладкий, как вино! Канаты из пальмовых волокон. Даже платье и шляпы, — разве это не чудеса? А финики?..

Пальма рассказывала про отважных путешественников, которые приехали за ней и бережно выкопали ее из земли, чтобы увезти с собой на далекий север. С каждым днем воздух становился холоднее, а синее небо бледнело. Пальме казалось, что солнце уходит все дальше и дальше, что лучам его не пробиться к ней сквозь облака. Она лежала на палубе, как другие деревья, выкопанные учеными, и тосковала. Никогда, никогда не подняться ей, не расти, как прежде!

Но пальма ошибалась. Люди не хотели ей зла. Ее увезли в далекую страну, и она привыкла к чужим деревьям, которые росли на свободе, и жалела их, когда снег покрывал их голые ветки. Как

это, должно быть, страшно — стоять на морозе!

Сколько людей побывало у нее в оранжерее! Пальма знала, что, уходя из ее стеклянного дворца, школьники мечтают о путешествиях, о новых садах, которые разведут у себя на родине. А пожилые люди с грустью смотрели на пальму и жалели, что за их долгую жизнь им не пришлось постранствовать по далеким землям.

— Ничего, — говорила им пальма, — приходите сюда чаще. Здесь все напоминает мои родные леса.

Росла прекрасная пальма, росла и маленькая школьница. Ее платья становились короткими так скоро, что ей не успевали шить новые. Золотистые косички уже можно было обернуть вокруг головы. И, вероятно, пальма со временем увидала бы у себя в оранжерее уже не школьницу, а взрослую девушку, студентку, а потом ученого-ботаника... Да, даже наверное, и попрежнему они остались бы друзьями.

Когда началась война, Наташа осталась в городе. Бочки с водой и мешки с песком на чердаке — это было дело наташиных рук. Первое время она даже не успевала навещать свою пальму. Только поздней осенью, когда уже выпал снег, Наташа пошла в Ботанический сад. По дороге попадались разбомбленные дома, и на многих окнах желтела наспех прибитая фанера. Но в стеклянном дворце пальмы было все попрежнему. Наташа приложила руку к отопительной трубе, — труба была горячая.

— Как хорошо! — шелестела пальма, подставляя под теплый дождь свои листья. —

— Как здесь хорошо! — сказала Наташа и на прощанье погладила золотисто-коричневый ствол. — Я буду приходить сюда греться.

В эту ночь Наташа легла очень рано. Наконец-то затопили железную печку, которая, точно гриб, выросла возле большой, кафельной. Наташа даже разделась, как в мирное время, и сразу заснула. Спала и пальма, вздрагивая во сне от далеких ударов зениток и дальнобойных орудий.

...Жалобно зазвенело стекло в наташиной комнате. Наташа вскочила. Бомба! Ух, каким холодом пахнуло сквозь разбитое окно! Наташа заткнула дыру подушкой, одеялом, закуталась в шубу. Утром, когда пришла с работы мама, они заколотили окно фанерой. Стало совсем темно. Теперь целый день будет гореть коптилка. Что, если учить уроки в оранжерее? Наташа взяла книгу, маленький кусок хлеба и пошла в Ботанический сад.

За эту ночь еще новые дома ослепли. Может быть... Нет, нет! Наташа почти бежала, утопая в снегу, который давно уже не расчищали. Вот знакомый поворот, железный остов оранжереи... Но почему же не сверкают на солнце ее стеклянные стены, где же стекло? Стекло, без которого не могло жить ни одно растение в этой оранжерее, не могла жить ее пальма?

Бомба упала совсем рядом. Огромная воронка чернела на снегу. Выбитое стекло хрустело под ногами, точно песок. Вот она, мертвая пальма, окаменевшая, опаленная морозом. Наташа обняла холодный ствол и заплакала.

Погибла вся оранжерея. В бассейне был лед. Лианы почернели и скорчились. Наташа протянула руку к отопительной трубе. Труба была холодной, как ствол пальмы. Нельзя ли что-нибудь сделать? Наташа посмотрела кверху. — Но разве можно закрыть, укутать пальму? Заделать чем-нибудь, кроме стекла, пустые квадраты огромных окон? Ведь пальма не могла бы жить в темноте, при коптилке, как Наташа.

... Давно осталось позади то время, когда падали бомбы на дома и сады Ленинграда. Ученые-садоводы готовятся к поездке в далекие южные страны. Они привезут в Ботанический сад новые растения и деревья, новые пальмы. Оживут стеклянные дворцы оранжерей. Вот почему каждый свободный час студентка Наташа проводит в саду, с лопатой и малярной кистью, таскает кирпич и землю, пересаживая уцелевшие растения. Она хочет, чтобы новой пальме жилось так же хорошо, как ее старому другу.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ,

помещенные на стр. 30 „Костра" № 6

Когда буксир тянет баржу за своей кормой, струя воды от его винта ударяет в баржу и тормозит ход.

У шарика „Б" ниточка длиннее, а угол отклонения у обоих ниточек при вращении стержня одинаков.

МОЕ ЛЮБИМОЕ ЗАНЯТИЕ

У моего отца прекрасная библиотека, и с детства я видел вокруг себя много разных книг. Вот я и задумал сделать сам книгу — в переплете с корешком, с титульным листом, с иллюстрациями, с перенумерованными страницами, с текстом, написанным по-печатному.

Мне было 8 лет, когда я „издал" свою первую книгу. В ней было всего десять страниц — на них поместился небольшой мой рассказ „Шуба". С виду это была книжка как книжка, но отличалась от обычных тем, что была разрисована, переплетена, написана от руки и ее тираж был самым маленьким — всего один экземпляр. Я один был и писателем, и художником, и редактором, и печатником, и переплетчиком.

Так началось мое увлечение „изданием" самодельных книг. Сначала я писал небольшие рассказы, чаще всего навеянные произведениями моих любимых писателей: Уэлса, Гофмана и Дюма. Позднее я начал сочинять повести и романы.

Я люблю хорошие иллюстрации и в своих книгах стараюсь поместить как можно больше интересных и красивых рисунков. Ведь приятно читать хорошо иллюстрированную книгу.

Текст в своих книжках я пишу по-печатному, чтобы он походил на настоящий. С непривычки писать печатными буквами было трудновато, но теперь я привык и „печатаю" так же быстро, как и пишу.

Очень часто я рисую иллюстрации в уже готовой, сброшированной и переплетенной, книге. Тему рисунка намечаю заранее и оставляю для него свободное место.

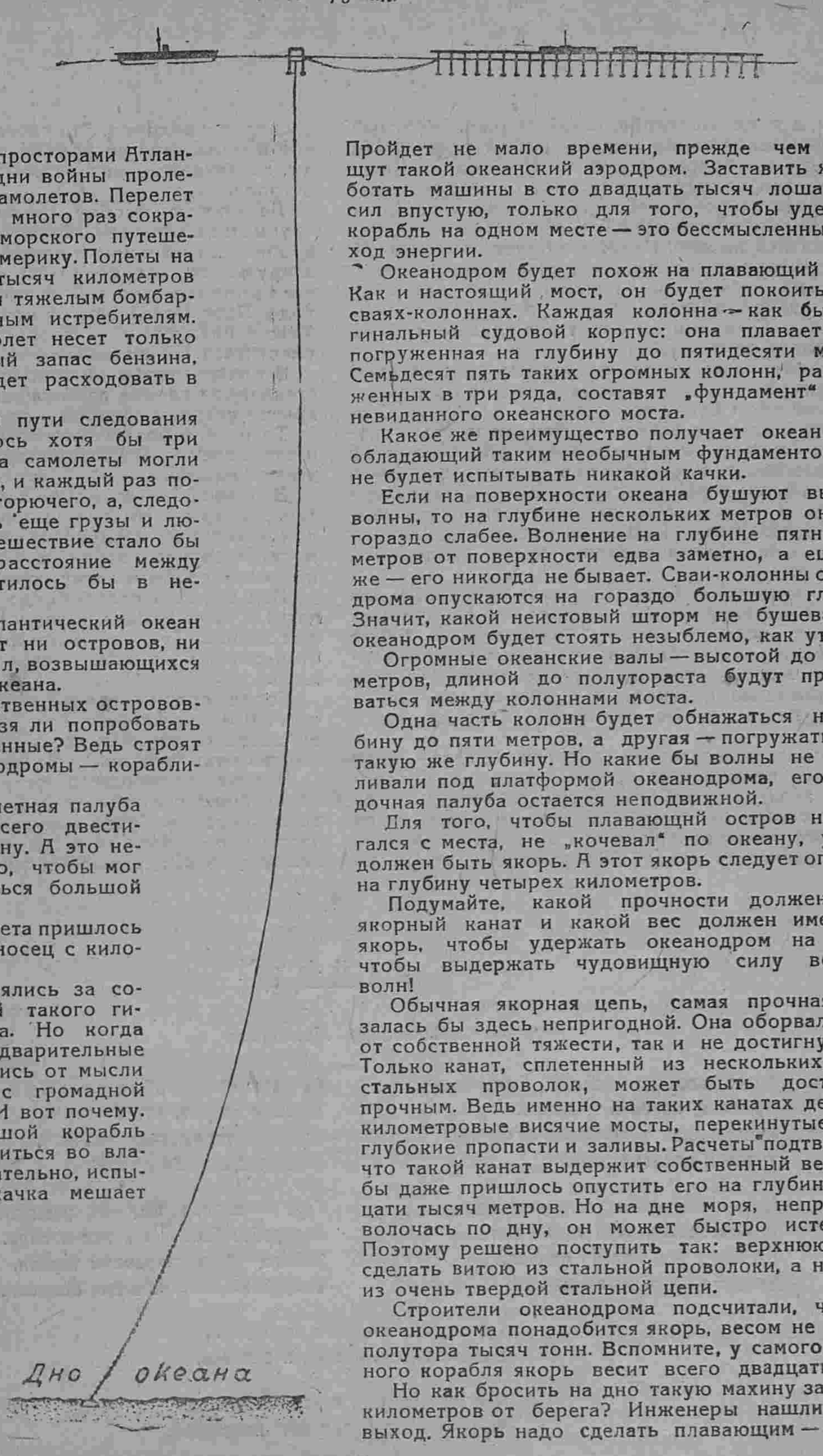
Несколько лет назад, еще до войны, я стал издавать журнал. Я помещал в нем рассказы, стихи, очерки и статьи. Веселый журнал „Ванька-встанька", который я делал еще до войны, „выходил" в продолжении двух лет. Я продолжаю свою журнальную работу и теперь. И в журнале, как и в моих книгах, делаю все сам.

У меня набралась уже порядочная библиотека из моих самодельных книг. Но я попрежнему увлекаюсь моим любимым занятием.

Боря Калаушин, ученик 8 класса средней школы при Академии Художеств.

МОСТ СРЕДИ ОКЕАНА

А. Антрушин.



Над бескрайними просторами Атлантического океана в дни войны пролетало много разных самолетов. Перелет через Атлантику во много раз сокращает длительность морского путешествия из Европы в Америку. Полеты на расстояние в пять тысяч километров над водой под силу и тяжелым бомбардировщикам и крупным истребителям.

Но вот беда: самолет несет только один груз — огромный запас бензина, который он сам будет расходовать в полете.

А что если бы на пути следования самолетов находилось хотя бы три острова? Ведь тогда самолеты могли бы делать остановки, и каждый раз пополнять свой запас горючего, а, следовательно, доставлять еще грузы и людей. Ведь тогда путешествие стало бы более удобным — расстояние между аэродромами сократилось бы в несколько раз.

Но к северу Атлантический океан пустынен. Здесь нет ни островов, ни даже крошечных скал, возвышающихся над поверхностью океана.

Но если нет естественных островов-аэродромов, то нельзя ли попробовать соорудить искусственные? Ведь строят же пловучие аэродромы — корабли-авианосцы.

Это верно. Но полетная палуба авианосца имеет всего двести-триста метров в длину. А это недостаточно для того, чтобы мог взлететь и опуститься большой тяжелый самолет.

Для такого самолета пришлось бы построить авианосец с километровой палубой.

Конструкторы взялись за составление чертежей такого гигантского авианосца. Но когда они произвели предварительные расчеты, то отказались от мысли строить корабль с громадной взлетной палубой. И вот почему. Даже самый большой корабль всегда будет находиться во власти волн, и, следовательно, испытывать качку. А качка мешает взлету и посадке самолета.

А как удержаться такому кораблю в бурю на одном месте? Ведь нельзя, чтобы пловучий остров блуждал по воле ветра по необъятным просторам океана.

Пройдет не мало времени, прежде чем разыщут такой океанский аэродром. Заставить же работать машины в сто двадцать тысяч лошадиных сил впустую, только для того, чтобы удержать корабль на одном месте — это бессмысленный расход энергии.

Океанодром будет похож на плавающий мост. Как и настоящий мост, он будет покоиться на сваях-колоннах. Каждая колонна — как бы оригинальный судовой корпус: она плавает стоя, погруженная на глубину до пятидесяти метров. Семьдесят пять таких огромных колонн, расположенных в три ряда, составят „фундамент" этого невиданного океанского моста.

Какое же преимущество получает океанодром, обладающий таким необычным фундаментом? Он не будет испытывать никакой качки.

Если на поверхности океана бушуют высокие волны, то на глубине нескольких метров они уже гораздо слабее. Волнение на глубине пятнадцати метров от поверхности едва заметно, а еще ниже — его никогда не бывает. Сваи-колонны океанодрома опускаются на гораздо большую глубину. Значит, какой неистовый шторм не бушевал бы, океанодром будет стоять незыблемо, как утес.

Огромные океанские валы — высотой до десяти метров, длиной до полутораста будут прокатываться между колоннами моста.

Одна часть колонн будет обнажаться на глубину до пяти метров, а другая — погружаться на такую же глубину. Но какие бы волны не разгуливали под платформой океанодрома, его посадочная палуба остается неподвижной.

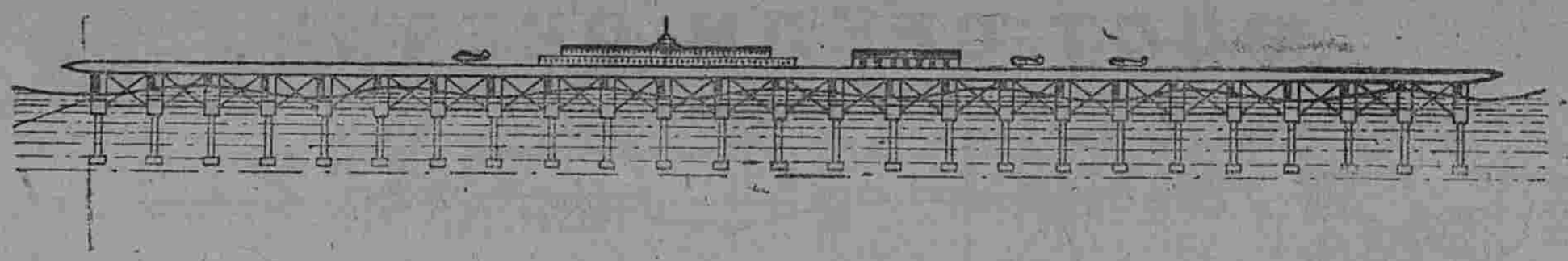
Для того, чтобы плавающий остров не сдвигался с места, не „кочевал" по океану, у него должен быть якорь. А этот якорь следует опустить на глубину четырех километров.

Подумайте, какой прочности должен быть якорный канат и какой вес должен иметь сам якорь, чтобы удержать океанодром на месте, чтобы выдержать чудовищную силу ветра и волн!

Обычная якорная цепь, самая прочная, оказалась бы здесь непригодной. Она оборвалась бы от собственной тяжести, так и не достигнув дна. Только канат, сплетенный из нескольких тысяч стальных проволок, может быть достаточно прочным. Ведь именно на таких канатах держатся километровые висячие мосты, перекинутые через глубокие пропасти и заливы. Расчеты подтвердили, что такой канат выдержит собственный вес, если бы даже пришлось опустить его на глубину двадцати тысяч метров. Но на дне моря, непрерывно волочась по дну, он может быстро истереться. Поэтому решено поступить так: верхнюю часть сделать витою из стальной проволоки, а нижнюю из очень твердой стальной цепи.

Строители океанодрома подсчитали, что для океанодрома понадобится якорь, весом не меньше полутора тысяч тонн. Вспомните, у самого огромного корабля якорь весит всего двадцать тонн!

Но как бросить на дно такую махину за тысячи километров от берега? Инженеры нашли и тут выход. Якорь надо сделать плавающим — пустым



внутри, в виде железобетонной баржи. Круглый, он будет походить на шляпку гигантского гриба. А внутри его будет уложен якорный канат. Когда якорь-судно придет к месту своего погружения, в его бортах откроют небольшие отверстия, и, постепенно наполняясь водой, якорь начнет медленно погружаться на дно. Канат же будет разматываться до тех пор, пока, наконец, якорь-баржа не опустится на вязкое дно океана. Своей тяжестью якорь вдавит плоское днище в глубоководный ил океана. С годами он будет все глубже и глубже зарываться в грунт.

Конечно, такой якорь никогда не удастся поднять наверх или даже оторвать от дна океана.

Океанодром будет сооружаться в порту. Сначала там построят отдельные секции моста и спустят их на воду, затем переведут эти секции на глубокое место и соединят в единое целое — в огромный плавающий остров. Для удобства постройки и буксировки колонны-сваи будут сделаны выдвижными. Только на месте стоянки будущего океанодрома колонны будут раздвинуты во всю длину.

Сам океанодром будет помогать буксирным пароходам переправляться через океан. На крайних колоннах „носа" и „кормы" океанодрома будут установлены шесть винтов, которые можно повернуть в любую сторону, как танковую башню. С их помощью океанодром будет всегда стоять против ветра, чтобы облегчить посадку самолетов.

Даровая неиссякаемая энергия океана — сила огромных волн будет превращаться на океанороме в электрический ток. В бурную погоду, когда волны особенно велики, будет вырабатываться так много электроэнергии, что ее хватит для того, чтобы разлагать воду электрическим током на кислород и водород. Это своеобразное промышленное предприятие со временем возместит все расходы, затраченные на постройку самого пловучего острова.

Летчику с высоты океанодром представится крупным авианосцем. Но опуститесь на платформу, пройдитесь из конца в конец этого изумительного сооружения: вы убедитесь — океанодром в три раза длиннее самого большого океанского парохода. Плавающий остров приподнят над океаном. Между платформой и поверхностью воды мог бы уместиться пятиэтажный дом.

В центре, точно на городской площади, стоит стеклянное здание аэровокзала. На его плоской крыше устроен солярий — здесь загорают туристы.

То и дело раздаются сигналы: сигналы посадки и отправления. Ведь аэропорт пропускает в день до ста машин.

Заправочные станции, авиаремонтные мастерские, ангары с гигантскими лифтами—все к услугам прибывающих воздушных кораблей. Пассажиры могут отдохнуть, зайти в ресторан, прогуляться по всему необычайному городку среди океана.

Под верхней палубой, где приземляются самолеты, в двух этажах расположено множество разных зданий. Тут, кроме мастерских, находится гостиница, больница, универсальный магазин, клуб.

Город среди водяной пустыни океана так необычен и замечателен, что кроме пассажиров, совершающих перелет, здесь будет находиться множество отдыхающих.

Проект плавающего острова разработан до мельчайших подробностей. Даже создана его огромная модель. Среди искусственных волн специалисты испытывали ее в судостроительном бассейне. Модель выдержала все испытания.

★

ЗАЙЦЫ

Александр Прокофьев

Здесь веселым зайцам было ладно,
Прыгали, наверно, у двора.
Видишь, как у яблоньки отрадной,
У твоей поедена кора.

Может быть, вон там они линяли.
И еще скажу, чтоб знала ты:
На снегу им, как на одеяле,
Всюду зори вышили цветы!

Вечером каким, обычно тихим,
А всего вернее, что с утра
Стежкой занимались зайчихи,
Мастерицы этого двора!

Снег в низине был на редкость хрупкий,
В серебре был дол и лес и сад...
Зайцы — те раскуривали трубки,
В трубках был, конечно, самосад.

Тут зверят никто не беспокоил,
Сладко елось, пилось и спалось.

Что ж, скажу я, в кои-веки, в кои
Жить зайчатам так вот довелось!

Как на фронте

Елена Катерли *Рис. Н. Петровой*

— Убит. Осколок попал прямо в сердце.

Доктор медленно поднялся с колен, и все увидели, что на голубой майке лежавшего на полу Васи Зимина расплылось темнокрасное пятно.

Осколок? Ребята растерянно огляделись кругом и увидели, что на фанерном щите, которым было заколочено окно, появилась дырка. Немецкий снаряд разорвался на заводском дворе, а сюда, в цех, влетел осколок. Один-единственный. Но этого было достаточно, чтобы убить Васю.

Всего несколько минут назад все было спокойно, и вдруг за стеной раздался этот грохот, от которого цех вздрогнул и зазвенел, а в воздухе повисло облако пыли. Потом опять наступила тишина, пыль развеялась, и стало видно, что кругом все в порядке. Станки работали, и даже лампочки над ними горели ровным, немигающим светом, и только Вася Зимин лежал около своего станка, будто опрокинутый чьим-то тяжелым ударом.

Лицо у Васи было серьезно и сосредоточенно, светлые, пушистые брови слегка нахмурены, а рот приоткрыт, будто он хочет что-то сказать.

На руке его брезентовая рукавица, видно, он собирался отвести ею стружку, ту самую, что сейчас завивается на работающем станке.

Директор, вбежавший в цех вместе с врачом, теперь распоряжался около носилок. Вот уложили Васю на носилки. Кто-то оправил на нем спецовку, смахнул приставший сор. Мастер, седенький и горбатый, дрожащей рукой остановил станок Васи и пошел рядом с носилками.

В дверях он остановился и сказал директору:

— Он ведь с первого дня, как на завод пришел, был моим учеником. Лучшим, самым лучшим. А пришел еще зимой, в сорок первом году. Опухший, слабый. Под шапкой вязаный платок, пальтишко ремешком подтянуто, на ногах — большие валенки. Лица не видно, только глаза впалые смотрят строго. Пришел и говорит: „Мой отец тут работал — токарь Василий Зимин. Он умер вчера. Я за него работать буду“. Поставил я его работать за отцовский станок, и хоть слабый был мальчуган и не знал ничего, упорством взял...

Мастер отвернулся, достал платок. В цехе было тихо.

Самый младший из мальчиков, Федюша, начал всхлипывать, а Жора, лучший друг Васи, вдруг растолкал стоявших рядом ребят и выбежал из цеха. Жора миновал двор, где женщины уже подметали осколки стекла, и завернул за кочегарку в узкий проход. Он упал на груду шлака, уткнулся лицом в колючие, острые кусочки.

В рот ему набился шлак, и он выплевывал его, но шлак все равно скрипел на зубах. Нет больше его единственного друга — Васи, его унесли на носилках, а он, Жорка, остался один. Сегодня вечером они собирались пойти рыбачить, и его друг обещался рассказать ему про всадника без головы. Теперь он никуда не пойдет и никогда ничего не расскажет...

Жора долго лежал на куче шлака и не слышал, как подошел к нему горбатенький мастер и сел рядом. Жора испуганно поднял свое мокрое, перепачканное лицо, когда мастер положил руку на его плечо.

— Поплачь! Поплачь! — сказал мастер, — хороший он был паренек. Я ведь и отца его знал, и деда...

Мастер снял очки в узенькой железной оправе и начал протирать стекла уголком своей спецовки. Стариковские бесцветные глаза его покраснели, и он мигал ими часто-часто, точно смахивая соринку.

Жора только сейчас заметил, как состарился мастер, и сказал, стараясь говорить басом:

— Чего плакать-то? Слезами горю не поможешь!

— Это верно, что не поможешь, — грустно согласился мастер, — только ведь и удержаться трудно.

— У меня тоже отца нет, на фронте его убили, — сказал Жора. — Я тоже хотел вместо него, да не берут. Я просился, в военкомат ходил, а все зря.

— Так ты и здесь все равно, как вместо него, — возразил мастер. — Оружие-то мы для фронта делаем! Вот победим немца, — и нам спасибо скажут.

Он поднялся и, опираясь на Жорино плечо, потянул его за собой.

— Пойдем в цех. Заказ — сам знаешь какой!

В цехе, как утром, жужжали станки, ребята стояли на своих местах. За васиным станком уже работал Федюшка. Лицо у него покрас-

нело от напряжения, — еще утром он был учеником, а теперь работал самостоятельно. И тут же висела доска с показателями: „В. Зимин — 197,6%“ было выведено на ней мелом.

Жора недружелюбно посмотрел на Федюшку — зачем его поставили за васин станок? А мастер тоже взглянул на доску и сказал, вздохнув:

— Да, сорок с лишним лет эта фамилия на заводе известна. А теперь — нет больше Зиминых...

Он махнул рукой и пошел по пролету — низенький, седой. Жора запустил свой станок и не поднимал головы, пока не кончилась смена.

После смены ребята вышли за ворота завода. Вышли всей бригадой, тихо, без обычного шума и толкотни. Вечер был теплый и ясный, ветер рябил упругие волны Невы, ударяя, как в парус, в изогнутые крылья чайки.

— Посидим на берегу, — предложил Федюшка.

Ребята спустились к воде и сели на теплую землю. Все молчали, и Федюшка начал бросать камни в покачивающуюся на волнах пустую лодку.

— Как мастер-то говорил? — сказал он, — „больше сорока лет на заводе были Зимины...“ А вот завтра сотрут с доски васино имя. Жалко...

— Жалко тебе! — сказал Жорка. — Небось, теперь твою фамилию на доске-то поставят...

Федюшка выпустил из рук камень и посмотрел на Жору. Он сидел какой-то похудевший, желтый, осунувшееся лицо его было испачкано сажей, а глаза смотрели злобно. Федюшка встал, отошел в сторону, — ему было очень обидно, он любил Васю и гордился тем, что теперь его поставили именно за васин станок.

Мальчики замолчали и смотрели то на Жору, то на Федюшку. Федюшка стоял поодаль, а Жора, обхватив руками колени, сидел отвернувшись. Рядом с ним на земле лежали две удочки, одна из них — васина.

— Федька-то не виноват, — нерешительно сказал кто-то. — Он, небось, не просился, его мастер поставил...

— Вставай туда хоть ты, — отозвался Федюшка. — А фамилию пускай не стирают, — я без доски могу работать.

— Верно, верно! — перебивая друг друга заговорили ребята. — Попросим, чтобы не стирали. Вот как бывает в Красной Армии — убьют какого-нибудь отличившегося бойца, а его посмертно оставляют в списках части.

— И название бригады оставим старое — бригада Васи Зимина.

— Ну, а как же показатели? — сказал Жорка. Нельзя чтобы на доске против фамилии Зимина стоял ноль. Ведь это обидно будет Ваське-то...

Мальчики опять замолчали. Доска — это гордость их бригады, на ней каждый день появлялись новые цифры... Это не просто цифры, — они рассказывают, как помогал ты фронту. Разве может оставаться фамилия Зимина без этих цифр?

— А я читал в «Комсомольской Правде» как один снайпер ходил бить немцев вместо погибшего товарища, — сказал кто-то из мальчиков. — Сначала стреляет за себя, а потом — за товарища. А гильзы от тех патронов — в карман, а потом из них на могиле товарища звезду выложил... Вот бы и нам так!

Жора сидел отвернувшись. Казалось, он напряженно решал какую-то трудную задачу. Работать сначала за себя, потом за погибшего товарища...

— Если бы на васином станке работал настоящий токарь, — сказал он, — он мог бы вырабатывать не одну, а две нормы. А Федька и одну не вытянет.

Мальчики посмотрели на Федьку, и он виновато опустил глаза.

— Может быть, на тот месяц вытяну, — прошептал он, — а сейчас — нет.

— А почему это один Федька должен? — оживились ребята. — Не только на васином станке, можно и на других. От каждого понемногу, вот и будет у Васи, как раньше, — больше всех. Только и свою не снижать, а еще больше вырабатывать.

Жорка повернулся. Ведь и мастер говорил, что они, как фронтовики. Вот висит васина доска показателей, украшенная красными флажками и зелеными ветками, над ней васин портрет.

— А позволят так выработку подсчитывать? — спросил он. И, сразу же вспомнив, что говорил мастер за кочегаркой, сам ответил: — Позволят! Конечно, позволят!

Ребята тесней придвинулись друг к другу. Тихо плескались у берега волны, точно подслушивая их разговор. Много видала эта река, в широкую гладь которой смотрятся десятки старых заводов. Знает река, как умеют работать ленинградские люди!

— Если приходить немножко пораньше, все приготовить и разложить, то на этом можно кое-что выгадать, — убеждал Жора. — И потом — надо думать. Все время думать. И каждый придумает как ускорить работу, честное слово!

Спряталось солнце. Сумерки окутали землю. Откуда-то издалека доносилась артиллерийская канонада. А ребята все еще разговаривали, подсчитывали, спорили.

На другой день, после конца смены, ребята не расходились и все стояли около станков и ждали. Наконец мастер, как обычно, подошел к доске показателей бригады. Он стер вчерашние цифры и написал новые. Против Жориной фамилии он написал двести процентов, против Федюшкиной — сто, а дойдя до фамилии „Зимин", аккуратно вывел: „двести два и три десятых процента". Потом обернулся к тем, кто стоял позади, и сказал:

— Выходит, токарь Зимин работает. Молодцы вы, ребята!

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ КАЛЕНДАРЬ

Июль

3 июля 1803 г. Началось первое русское кругосветное плавание на судах „Надежда" и „Нева" под начальством капитана (впоследствии адмирала) А. Ф. Крузенштерна.

8 июля 1497 г. Знаменитый португальский мореплаватель Васко да Гама отплыл из Лиссабона, чтобы отыскать морской путь в Индию.

12 по 14 июля 1937 г. Состоялся второй замечательный советский перелет по маршруту Москва — Северный полюс — США (Громов, Юмашев и Данилин).

17 июля 1846 г. Родился знаменитый русский путешественник и ученый Н. Н. Миклуха-Маклай, прославившийся своими исследованиями папуасов Новой Гвинеи.

18 июля 1933 г. Начался рейс ледокольного парохода „Челюскин".

20 по 22 июля 1936 г. Состоялся первый знаменитый советский перелет по Сталинскому маршруту (Москва — о. Удд у Николаевска на Амуре) летчиков — Чкалова, Байдукова и Белякова.

28 июля 1932 г. Начался героический поход ледокольного парохода „Сибиряков". Он первый прошел весь Великий Северный Морской путь в одну навигацию.

Август

5 августа 1806 г. Вернулась в Кронштадт „Нева" — второй из кораблей, на которых была совершена первая русская кругосветная экспедиция 1803—1806 гг.

8 августа 1877 г. Известный путешественник по Центральной Африке Генри Стенли закончил плавание по реке Конго.

13 августа 1891 г. После дрейфа во льдах Арктики вернулся на родину „Фрам" — судно норвежского путешественника Ф. Нансена.

20 августа 1519 г. Началось первое в истории человечества кругосветное плавание Магеллана.

21 августа 1938 г. Флагман Советского арктического флота ледокол „Иосиф Сталин" вышел в свой первый рейс.

27 августа 1912 г. Из Архангельска отплыла первая русская экспедиция к Северному полюсу под начальством старшего лейтенанта Г. Я. Седова.

Что читать в связи с этими датами

Аусвейт. Как люди открывали земной шар. Детиздат, М.-Л., 1939 (Статьи о Васко да Гама).

Новиков. Н. Русские кругосветные мореплаватели. Госуд. Военно-Морское изд., М.-Л., 1941.

Зубов. Н. В центр Арктики. Изд. Главморпути, М.-Л., 1940.

„Глобус" Географ. ежегодник для детей на 1938 г. (ст. о Седове, советских перелетах и др. в разделе „Завоеванье Арктики и Антарктики").

Лебедев, Н. К. В первый раз вокруг Земли. Путешествие Магеллана. Учпедгиз, М. 1935.

Кунин, К. Васко да Гама 1938 г. (Жизнь замечательных людей. Изд. Жургазобъединение).

Миклуха-Маклай, Н. Путешествия. Детиздат, 1937 г.

Чумаченко, А. Человек с Луны. Детиздат 1938 г.

Бать и Дейч, А. Фритьоф Нансен. Учпедгиз. 1936 г,

Байдуков, В. А. Через полюс в Америку. Детиздат.

Беляков, А. Из Москвы в Америку через Северный полюс. „Молодая Гвардия"

Визе, В. Море Советской Арктики. Главсевморпуть, 1939 г.

Визе, В. На „Сибирякове" в Тихий Океан. Главсевморпуть, 1934 г.

Ис. Слоним

ПОСТРОЙ КОРАБЛЬ

Хорошую самоходную модель корабля можно построить собственными руками по нашим чертежам. Это будет большая плавающая модель океанского парохода, который на шесть метров длиннее „Куин Елизабет“ — самого большого корабля из существующих.

Модель стройте в одну трехсотую долю натуральной величины, то-есть длиной 107 см и шириной в 12 см. Такая модель не будет громоздкой, и ее можно спускать в больших водоемах и при волнении.

Прежде всего тщательно перечертите чертежи на миллиметровую бумагу. На вкладке они напечатаны с уменьшением в пять раз; отдельно вынесенные чертежи шлюпбалок, винта, якорей и руля уменьшены в три раза. Чертить те и другие надо, увеличивая до величины модели. Все размеры на чертежах даны в миллиметрах,

Корпус модели — составной, сделан из днища (А), носового (Б) и кормового (В) блоков, двух бортов (Г) и носовой палубы (Д). Днище вырежьте из обрезка ровной прямослойной сухой сосновой доски, толщиной в 1 дюйм. Все шероховатости снимите рубанком, а потом на верхней поверхности доски сделайте разметку внешних (е) и внутренних ($е_1$) кромок (см. нижнюю половину плана корпуса и разрезы). Внутренние кромки нужны для выдалбливания доски на глубину 10 мм для ее облегчения. Когда днище выстругано, на обоих концах его приклейте столярным клеем заранее приготовленные носовой и кормовой блоки из мягкого дерева. Не забудьте, что носовой блок имеет вогнутые борта, а кормовой — выпуклые. Затем тщательно зачистите стеклянной бумагой стыки с днищем. Закруглите нижние кромки днища, как это показано на поперечных разрезах.

Для устройства бортов между блоками лучше всего взять тонкую, но упругую жесть и пробить в ней ряды отверстий, показанные на чертежах крестиками. Пригонять и прибивать маленькими гвоздиками следует в аккуратно вырезанные пазы [1] в блоках и днище. Не забудьте, внешняя поверхность корпуса после шпаклёвки и окрашивания масляной краской должна быть совершенно гладкой. Чтобы длинные жестяные борта не прогибались, в середине корпуса прибейте их гвоздиками к двум поперечным деревянным перегородкам (ж).

Часовой механизм от обыкновенных стенных часов приведет в движение модель парохода. В центре винта (И), вырезанного из листовой меди, просверливают отверстие и вбивают в него гайку велосипедной спицы — это втулка винта. Таким образом, винт легко навинчивать на конец гребного вала — на обрезок велосипедной спицы. Края лопастей винта оттачивают напильником.

Три якоря отливают из свинца в деревянной форме и отделывают окончательно напильником. Якоря подвешивают на тонких цепях. Отверстия для цепей в носовом блоке и палубе высверливают буравчиком.

Когда все детали корпуса и надпалубных сооружений сделаны и часовой механизм укреплен на месте, следует уравновесить и загрузить модель.

При первом же испытании на воде, модель парохода накренится вправо и наклонится на корму. Это произойдет под тяжестью заводной пружины. Поэтому модель следует загрузить свинцом, разместив его так, чтобы судно уравновесилось.

Теперь остается окончить окраску модели, смазать ее механизм и приступить к испытаниям на воде.

А. Антрушин

[1] Пазы — углубления в дереве на толщину жестяного листа.

СОДЕРЖАНИЕ

стр.

Трижды орденоносный. *Стих. В. Лебедева-Кумача. Рис. Е. Померанцевой* 1
Орден Ленина — третья награда комсомола. *Фото В. Федосеева и А. Секретарева* 2
Подвиг. *Отрывок из повести А. Фадеева „Молодая Гвардия“. Рис. Я. Николаева* 4
Пропавший верблюд. *Сказка в стихах А. Шмульяна Рис. Н. Муратова* 6
Таинственный подарок. *Продолжение повести Е. Бороиной. Рис. Б. Семенова* 7
Из прошлого нашего города:
Первая морская битва русского флота *И. Шаскольский* 12
Морской офицер. *Стих. Я. Колесникова* 13
В далекий рейс. *Стих. Георгия Трифонова* 13
Расскажите на пионерском сборе:
О храбрости. *М. Романовский. Рис. Г. Фитингофа* 14
Спортивный городок. *Рис. Н. Петровой* 16
Мудрая жена. *Чешская сказка. Записала Н. Войтинская. Рис. Б. Семенова* 18

стр.

Чарлз Диккенс. *Очерк Вс. Успенского* 21
Рапорт. *Стих. С. Погореловского* 23
Пальма и девочка. *В. Вольтман. Рис. Н. Петровой* . . 24
Мое любимое занятие. *Боря Калаушин* 26
Мост среди океана. *А. Антрушин* 27
Зайцы. *Стих. А. Прокофьева* 28
Как на фронте. *Рассказ Е. Катерли. Рис. Н. Петровой* 29
Географический календарь. *Ис. Слоним* 31
Построй корабль. *Самоделка А. Антрушина* 32
Морская слава. *Стих. Н. Брауна. Рис. Н. Полозова 2-я стр. обложки*
Игры на воде. *Рис. Н. Петровой 3-я стр. обложки*
Веселый счет. *Стихи А. Генкиной. Рис. Б. Семенова 4-я стр. обложки*

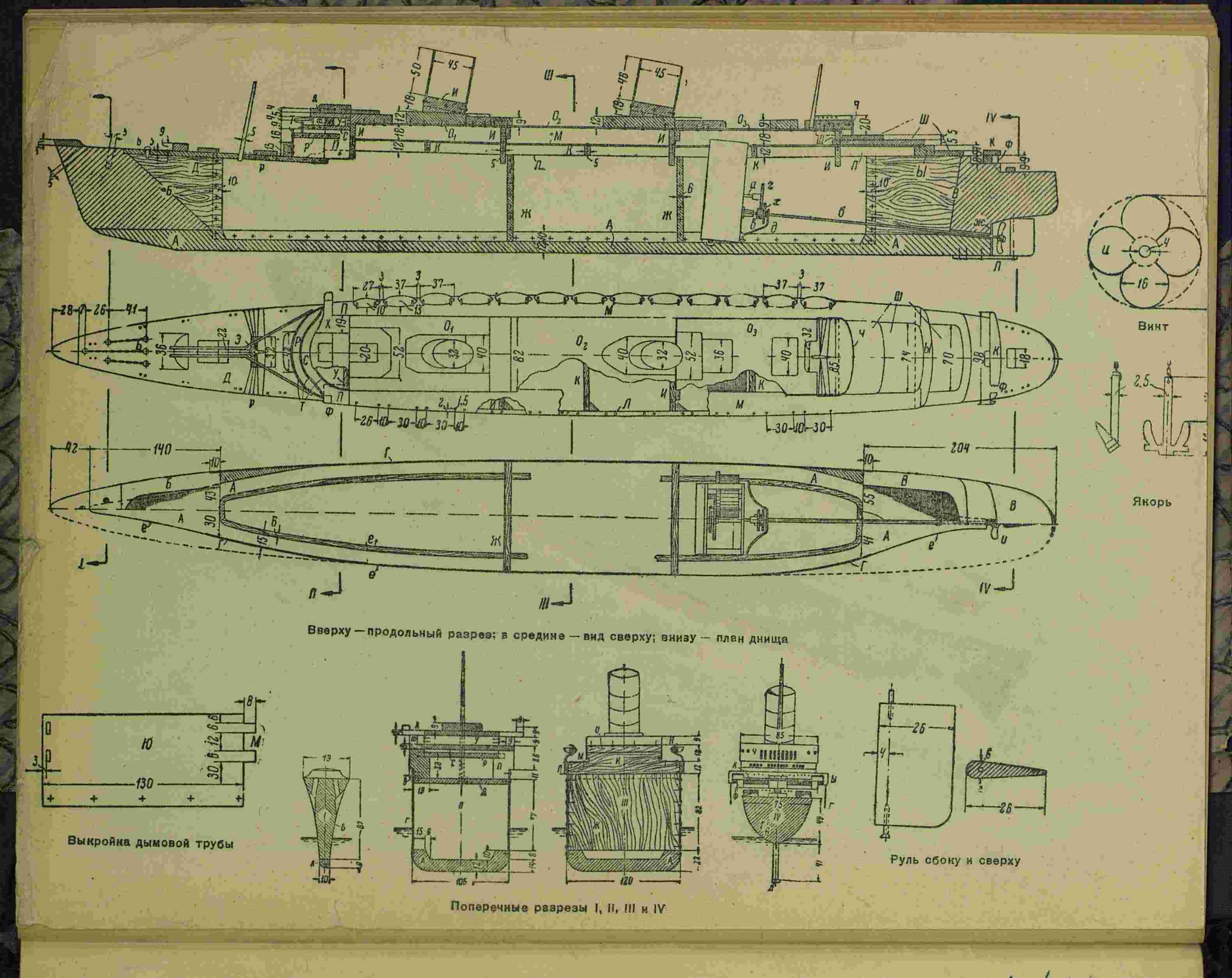
На вкладке „Построй корабль“ самоделка А. Антрушина
На вклейке рисунок В. Пакулина „Инженерный замок“
На обложке рис. С. Мочалова „На Неве“

АДРЕС РЕДАКЦИИ: ЛЕНИНГРАД, ФОНТАНКА, 31, ДВОРЕЦ ПИОНЕРОВ
Непринятые рукописи не возвращаются

***Редколлегия:** О. Берггольц, В. Воеводин, С. Воинов, Е. Катерли, Ф. Октябрьская, А. Пахомов, Е. Привалова, В. Прянишников, Н. Теребинская, Д. Чевычелов, Н. Штейнварг, Л. Успенский и Г. Яблонская (отв. редактор)*

Подписано к печати 13|X 1945 г. 4 печ. л. (+1 вкладка и 1 вклейка). В печ. л. 25 000 тип. зн. Зак. № 1724. М 04616. Авт. л. 3,5. Тираж 15000
2-я фабрика детской книги Детгиза Наркомпроса РСФСР

ПОСТРОЙ
КОРАБЛЬ


Винт
Якорь
Вверху — продольный разрез; в средине — вид сверху; внизу — план днища
Выкройка дымовой трубы
Поперечные разрезы I, II, III и IV
Руль сбоку и сверху

Игры на воде

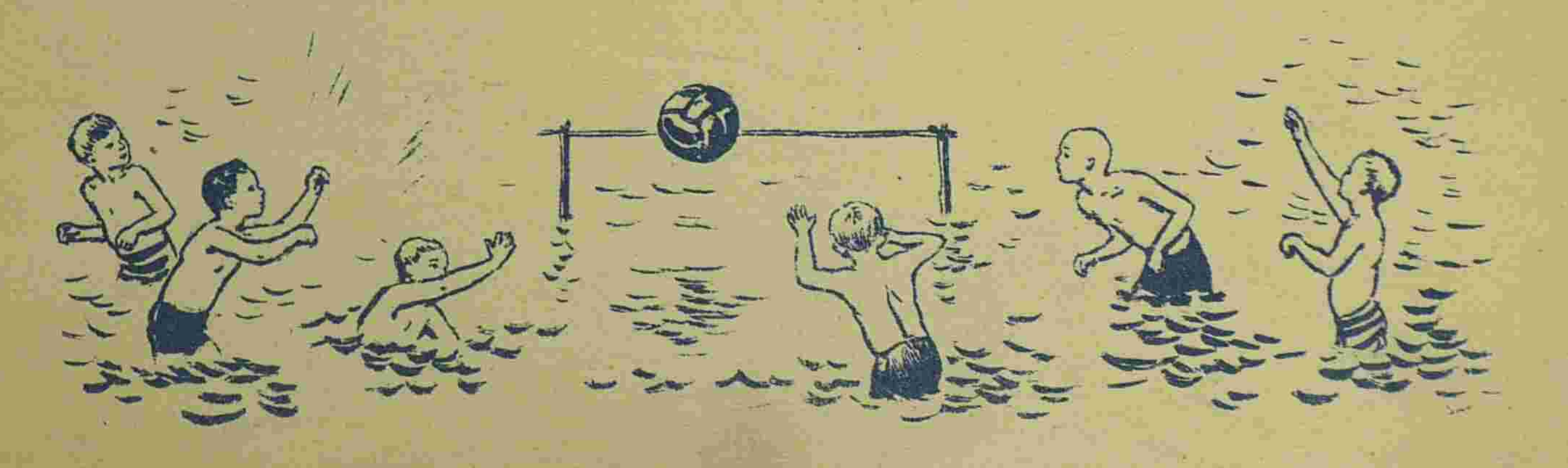
На реке, неглубоком озере или на взморье можно заняться интересными играми-состязаниями. В этих играх могут принять участие ребята, плохо плавающие или совсем не умеющие плавать.

Очень оживленно проходит игра „конный бой". Все участники разбиваются на две команды; в каждой команде есть „всадники" и „кони". „Всадники" сидят на плечах „коней". Цель игры — стащить или свалить „всадников" противной стороны в воду, а самим удержаться на „коне"

„Регби на воде" походит на игру в баскетбол. На мелком месте оборудуются „ворота" — два кола, вбитые в дно на расстоянии двух метров друг от друга, с перекладиной на высоте 30—40 см. Каждая команда (до десяти человек) старается по воде передать мяч из рук в руки и провести его в ворота противника. Шуметь, кричать, топить противника строго запрещается. За нарушение — провинившаяся команда получает штрафной удар по воротам, которые остаются без защиты, а игрок, нарушивший правило, удаляется из игры.

На мелком месте можно устроить эстафетный бег. Его проводят так же, как и на берегу.

Если захотите устроить „бой брызгами", разделите участок мелкого места между обеими командами. Брызгая водой как можно сильней, каждая команда старается оттеснить противную за границы поля. Тот, кто переступит эту границу, выбывает из игры.



4 руб.

4790

29

41

ВЕСЕЛЫЙ СЧЕТ

Я с утра хожу, считаю —
Мой задачник не простой:
Умножаю, вычитаю
Все, что вижу пред собой.

Птицы сели на осину,
Их тринадцать село рядом,
Три вспорхнули на вершину,
Значит, тройку вычесть надо...
Только начал вычитанье,—
Птицы в лес... и до свиданья!

Сосчитать решил собак.
Не стоят они никак.
Две помчались за котом,
Три укрылись под крыльцом,
Рыжеватая шестая
Зарычала, убегая.

Под окном созрели сливы.
Я пятнадцать штук сорвал.
Двум сестренкам, справедливо,
По четыре штуки дал,
А остаток не делил,
Сам остаток проглотил.

А. Генкина

1946 г.
Акт № 2